

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО
ВИКТОРИЯ ГЕТТО

ЭКСПАНСИЯ

Наши там (Центрполиграф)

Александр Авраменко

Экспансия

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Авраменко А. М.

Экспансия / А. М. Авраменко — «Центрполиграф»,
2017 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07442-3

Трепещут и дрожат племена, населяющие Америку, – с гор за добычей спустились племена людоедов-майя. Никогда ещё города-государства не посылали за добычей столько воинов!словно безжалостная саранча, сотни тысяч воинов со всех концов страны ворвались на просторы Североамериканского континента. Казалось, спасения не будет никому... Но на пути людоедов встаёт держава славов. Тех, кто свыше пятисот лет назад прибыл на эти земли по велению пророчества Прокши-ясновидца, дабы спасти веру отцов и дедов своих... И пали в прах гордые майя. Но славы не успокаиваются на достигнутом. Пора наконец задуматься о том, как вернуть на прародину истинных богов...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07442-3

© Авраменко А. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Авраменко, Виктория Гетто

Экспансия

Мы столкнулись с феноменом, необъяснимым с точки зрения цивилизованного европейца – как могли эти славянские варвары, отринув Господа нашего, построить столь огромную, могучую и хозяйственно развитую державу?

Папа римский Каликст III 1168 год х. э.

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Авраменко А., Гетто В., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

Оформление художника Павла Ильина

Пролог

Шевелитесь, эй! Скоро немцы на слом вновь пойдут!

...Город пылал, обложенный войсками крестоносцев в плотное кольцо. Тридцать тысяч воинов, осенённых знаком Распятого, ждали утра, чтобы пойти на последний штурм, захватить невиданные доселе богатства, копимые еретиками сотни и тысячи лет. Каждый из отправившихся в поход по зову Святой матери Римской Церкви знал, что, победив язычников, обогатится так, как не снилось в самых радужных снах, и не столько вера, сколько жадность, неизмеримая и ненасытная, вела в бой саксов, даков, франков и прочие отбросы Европы. Святая земля далеко. И воины там умелы и злы. А здесь – лишь грязные славяне, земли которых так нужны переполненным народом странам, осенённым знаком Христа. И нужны рабы, чтобы возделывать захваченные земли, которые станут новыми графствами и баронствами, но самое главное – золото и драгоценные камни, которые спрятаны в месте, где варвары справляют свои недостойные шабаша, большом деревянном строении на вершине холма, к которому ведут лишь две дороги...

Фон Зикинген, младший сын барона, а потому не имеющий ни собственного замка, ни крепостных, глотнул из кожаной фляги удивительно вкусного напитка, захваченного им в сожжённой вместе с жителями деревне на той стороне пролива, потом зло посмотрел на подсвеченные пылающими домами высокие стены. Впрочем, теперь не такие уж и высокие – десятки требучетов непрерывно метали в них каменные глыбы, потихоньку выкрашивая из стены кладку. Зияют проломы, в которых блестят металлом копы защитников. Глупцы! Они надеются выжить в завтрашнем штурме?!

Баронет поднялся, поднёс руку к глазам – ему кажется, или там, в гавани, какое-то шевеление? Датский флот, поддерживающий крестоносцев, к величайшему сожалению, был полностью уничтожен. Пять тысяч славных воинов пало в той битве. Никто не вернулся на берег, и печальные песни звучат у каждого из костров, возле которых расположилось на отдых крестоносное воинство. Лишь расчёты каменётных машин, сменяясь время от времени, непрерывно метают глыбы, которые подтаскивают пленники из эстов и прочих... жмуди и жумайтов. Впрочем, достаточно было казнить для острастки пару из них, чтобы эти грязные варвары заработали не на страх, а на совесть. Так что завтра Аркона, город несметных богатств, падёт, и Животворящий Крест осенит новые земли...

– Да быстрее же!

По улицам горящего города бежали люди, собравшиеся в Арконе со всех окрестностей. Те, кто успел, бросив всё нажитое, добраться до каменных стен, защищающих город. Кто замешкался – был люто убит. Удар меча являлся высшей милостью со стороны воинов Триединого. Зачастую умирать приходилось страшно и мучительно – гореть заживо, корчиться от залитого в желудок через большой рог крутого кипятка, а то и бежать вокруг столба, наматывая на него собственные внутренности из распоротого живота...

Горожане и беженцы уже не ждали ничего, кроме смерти. Некоторые договаривались друг с другом помочь уйти на небо. Иные – шли на стены, чтобы хотя бы в смертный час дотянуться до врага, вцепиться зубами ему в горло. Мужчины, подростки, старики – все, кто мог держать в руках меч или копьё, натянуть лук. Но оставались ещё женщины и дети. Тысячи и тысячи тех, кто попадёт в руки озверевшим убийцам, своими муками будет тешить их нечеловеческую злобу и лютость...

И вдруг случилось чудо: под покровом глухой ночи в гавань Арконы вошли корабли. Невиданные, громадные, каких никогда не видели ни на Руяне, ни в прочих славянских землях. О двух великанских корпусах под треугольными парусами, с могучими воинами на палубах. Поначалу защитники града подумали, что это новые захватчики, и уже пригото-

лись к отпору, понимая, что это конец, но знак Громовника на парусе, который различили самые зоркие, заставил расчёты камнемётных машин повременить, тем более что корабли стали поодаль полусгоревших причалов, чьи обугленные останки торчали гнилыми зубами из глади моря, не пытаясь высадить своих воинов. А затем от огромных судов отвалила лодочка с загнутыми носами, в которой четверо гребцов, стоя на колене, махали дружно широкими вёслами. Необычный корабль с лёгким шорохом выскочил на песок, и воины враз выпрыгнули из него, стали в ряд странный – двое спереди, двое с тылу прикрывают. Доспех непривычный. Но на славянский лад. И сделан удивительно добротно.

Один из них голос подал. Правда, негромко, но властно:

– Кто старший в граде?

Чувствовалось, что речь славянская для воина привычна, да только некая чуждость ощущалась в его словах. То ли необычность говора, то ли наречие другое.

Из темноты вышли шестеро градских дружинников, и один из них, в посечённой кольчуге, устало спросил:

– А ты кто таков, чтобы старшего искать? И что за лодьи?

– Некогда мне ляды точить. Каждый час дорог тёмного времени. Мы из Славграда. Слышал?

Воин отрицательно покачал головой в островерхом шлеме. Неизвестный скривился:

– Тогда не тяни тура за хвост, а пошли кого-нибудь, пусть донесёт весть старшим – Славград на выручку пришёл. А мы пока тут подождём. – И демонстративно уселся на обломок бревна, скрестив руки на груди.

Старший из арконцев подумал, потом всё же решился, позвал знаком мальчишку, чьи любопытные глаза блестели в темноте, склонившись, прошептал ему на ухо несколько слов и уже хотел было отправить с вестью, да тут сидящий чужак вдруг бросил:

– Не перепутай, парень. Из Славграда мы. Так и скажи. А коли жрец не поверит, пусть сам сюда идёт. Доказательств у нас предостаточно. – И кивнул в сторону едва различимых и вблизи огромных корпусов...

Ждать, как ни странно, пришлось недолго. Как потом выяснилось, старший жрец, увидев вошедшие в гавань неизвестные корабли, сам поспешил на помощь тем, кто оставался охранять бухту от высадки десанта осенённых Триединым во главе храмовой дружины, в которой уже оставалось едва две трети воинов. Мальчишка-гонимец попался навстречу спешащим на помощь бойцам и, запыхавшись, передал слова неизвестного. Жрец словно споткнулся, потом переспросил:

– Он сказал: из Славграда? – не веря услышанному, но мальчишка повторил именно это название...

... – Значит, вас две тысячи?

– Воинов две тысячи. Остальные – наряд корабельный. Ещё столько же. Сам видишь, корабли у нас не маленькие. – Неизвестный воин показал рукой назад.

Жрец перевёл взгляд на громадные лодьи, крашенные в чёрный цвет, чтобы было незаметнее, вздохнул:

– А их – тридцать тысяч. Не будет толку, коли вы головы сложите вместе с нами зря.

– Уверен, жрец?

Не было привычного Радомиру почтения во взгляде воина, не было и особого уважения. Просто обычное поведение младшего по возрасту перед старшим, но не как перед служителем Святовида. И почему – к сожалению, знал старший храмовый жрец... Знал...

– Всё равно вина наша перед Славградом безмерна. Да и перед всем племенем славянским тоже... Не примем мы помощи в ратном деле. Но коли можете, спасите детей и женщин, что в граде собрались. Примите на палубы. А мы уж постараемся смертью своей грехи тяжкие искупить. Перед народом нашим, перед землёй родимой...

Изменилось нечто в лице воина. Поднялся он с бревна, на котором сидел. Склонил впервые с уважением голову, с которой шлемом снял.

– Коли так решил, жрец, да будет с тобой благословение наших богов – Перуна-воителя и сына его, Маниту-сеятеля. Веди людей сюда. Всех заберём. Никого не оставим...

...– Шевелитесь! Давайте скорей!

Но никого подгонять не было нужды – все и так спешили, как могли. Ночное время летом короткое, а увидят воины Проклятого истинными, что уходит из цепких лап добыча – пойдут на штурм не раздумывая. И тогда...

– Чего застыла, жёнка? Кого ждёшь? Давай на борт! Бросай всё. Сама иди и дитя своё забери, бестолковая!

Стоящая у широкой сходни молодая женщина в богатой одежде вдруг бросилась навстречу спешащему к ней дружиннику из арконских, упала к нему на грудь, заплакала, а тот стал ласково гладить по голове её, ребёнка лет трёх-четырёх, которого та держала на руках, и Славградский ратник притих. Навеки ведь прощаются. Никогда больше не встретятся. Если в Ирии только...

...– Паруса – вздеть!

Хлопая прочной тканью, треугольные снасти вновь поползли на мачты. Флот Славграда покидал гавань Арконы, отказавшейся от военной помощи. Но зато на его палубах находилось почти пять тысяч женщин и детей. Ни один славянин мужского пола, кроме грудных и не умеющих ходить, град не оставил.

...1 июля 1168 года Аркона благословенная была полностью захвачена крестоносцами. Последние её защитники были заживо сожжены при обороне Храма Святовида. Последние девять человек. Во главе со старшим жрецом. Они погибли, не сдавшись. А захватчики, потеряв половину из собранных буллой папы тридцати тысяч воинов последней, третьей, волны, оказались ни с чем: они не нашли ни несметных богатств, собранных язычниками за поколения, ни даже рабов. Мирные жители бесследно исчезли. Кто-то пустил слух, что они сами утопились в море, чтобы не попасть в руки захватчиков. Пятьдесят тысяч желающих нажиться навсегда остались у стен Арконы благословенной, завалив своими телами рвы перед стенами и улицы города.

Но на широких палубах невиданных чёрных кораблей далеко в море сидели и стояли те, кто смог чудом спастись...

Глава 1

Богат и могуч Славград, столица державы славов, протянувшейся от Ледовитого моря до гор Зубчатых¹, от океана Старого² до Нового³. Почти миллион человек живёт в граде, раскинувшись по обе стороны озера Предков⁴. Высится над ним детинец великий, в котором живут правители государства могучего, которому равного нет нигде. Как было принято с основания державы, два у славов князя. Один – военным делом занимается. Второй – хозяйством. На Совете державном оба равный голос имеют. Ни у кого из них предпочтения нет. Раз в год собираются те, кто занимается слободами, в коих всё хозяйство державное находится, на Сбор великий, в зал большой, где садятся за стол круглый и решают, что дальше народ делать будет, куда путь страны направить. Слободы те следующие: Рудничная, Кузнечная, Махинная, Военная, Корабельная, Хлебная, Животная, Товарная, Тягловая да Торговая.

Ну, чем Рудничная да Кузнечная и Хлебная занимаются, из названий ясно. Первые добывают да обрабатывают все минералы, что в земле находятся. Вторые – уже готовые металлы и минералы перерабатывают на своих кузнях больших. Ушли те времена, когда кузнецы в одиночку да с помощью пары подмастерьев всяк сам по себе ковал потребное общине и родовичам. Теперь кузни мастерские в зданиях огромных, каменных, специально выстроенных находятся. По тысяче и более человек работает в такой мастерской. И не машут тяжёлыми молотами здоровые молодцы – вода приводит в действие великанские махины, бьют по наковальням молоты в тысячи пудов весом, катают лист стальной на валках громадных. Ибо много железа, стали, меди да свинца и прочего держава и союзники её требуют каждый день, каждый час, каждый миг. Ни один одиночка не справится. Только община!

Хлебная слобода за питание славов отвечает. В её ведении находятся бескрайние поля, раскинувшиеся на Великих степях, на горных террасах. Растут там пшеница, рожь, уота⁵, томаты, маис, и лён, и хлопок... Да разве перечислишь всё, что на тех полях произрастает? Устанешь пальцы загибать. Когда первые войны с племенами окончились, началась эра торговли. Двинулись в разные стороны караваны купеческие на турах и кораблях, искали людей разных, предлагали товары невиданные. Назад везли всё, что те взамен предложить могли. Так вот собирали полезные людям растения, высаживали, приучали к новым местам. И теперь стол любого слава в любое время года ломится от свежих фруктов и овощей, от мяса и хлеба, от каш и похлёбок, не говоря уж о напитках. И кава горячая, душу согревающая, и настой из листьев разных и трав сушёных, и сбитень горячий, и, конечно, квас ржаной, острый. Пристрастились меднокожие славы к напитку из-за моря. Наравне с трубкой, набитой добрым табаком, его любят.

Ну а что прочие слободы? Махинная – та новое изобретает да запускает в дело. С первой машины всё началось, Бренданом-ирландцем сделанной. Долго та трудилась, едва ли не сотню лет на первом руднике славов, потом с почётом сняли её с места да привезли в Славград, поставили перед детинцем наряду с конём деревянным долгогривым да мечом вострым булатным под навесом. Смотрите, люди племени славов и гости, – с этого держава великая началась! Вот и порешили первые князья-основатели создать двор для тех, у кого голова светлая да глаз острый. С той поры и появилась Махинная слобода. Много чего полезного выдумщики в дело ввели: и телеги появились великанские, которые по тысяче пудов груза

¹ Северный Ледовитый океан и горы Сьерра-Мадре.

² Тихий океан.

³ Атлантический океан.

⁴ Озеро Онтарио.

⁵ Уота – картофель (*инд.*).

везти могут, и махины, труд людской облегчающие, – доскотёрки, да молоты и станки, водой бегучей в работу приводимые, – их изобретение.

Военная и Корабельная слободы – армия и флот. Войско у славов большое. Но по населению если считать – совсем крохотное. Едва десять тысяч конных да столько же пеших, ну и крепкорукие. Так прозвали тех, кто махины боевые использует. А уж там всякого навыдумывано... Корабельная – та флотом заведует. Строит корабли, военные и торговые. Новые виды кораблей измышляет, пробует. И пешцы морские, наряд корабельный, в её подчинении, и заведения, в коих учат молодёжь морскому делу, – также к ней относятся.

Животная слобода скотиной домашней заведует. В её ведении стада градские и селений, фермы великанские, на которых молоко доят, всяк зверь лесной да домашний, а ещё – туры боевые и лошади рабочие и боевые. С тех десяти коней, подаренных дочери и зятю кипчацким ханом Бураем, пошли табуны невиданной допрежь выносливости и силы. И нет теперь равных коннице славов. И отрядам тяжёлой турьей кавалерии... Тут вообще дело страшное, когда несутся на тебя сотни могучих быков, в сталь шипастую закованные до кончика хвоста, воины на спинах их в доспехах непробиваемых, с копьями длинными, зубчатыми. Не устоять ни одной пехоте в мире против них. Лишь лучшие из лучших да ещё у кого талант к этому делу есть в таких войсках службу несут и гордятся этим.

Тягловая слобода – те дорогами да перевозками заведует. Доставить урожай уоты из града Пуэбло, столицы южных земель, в Рудничный град, столицу слободы тех, кто из земли богатства её достаёт, – да пожалуйста! И вот идут караваны огромные по мощённым камнем, ровным дорогам от одного места до другого. Вроде неспешно, а непрерывно. И днём и ночью. Меняют быков могучих, что великанские телеги тянут на каждой станции транспортной. Поменяли на свежих? И погонщиков сменили. Те уже обратный караван домой гонят. Удобно! Да ещё и дороги слобода строит. Те самые, каменные. Стройки такие тоже в её ведении.

Торговая слобода отвечает за купечество. Ищет новые рынки, неведомые доселе народы, с коими торговать можно. Осваивает новые места. Её корабли бороздят моря и океаны, ходят к лурам, в грады Ханства Великого, на всю великанскую тайгу от океана Нового до Каменного Лба раскинувшегося. Знают уже славы, что не новые то земли, на которых луры живут, – край материка Старого. Если по землям луров пройти насквозь, то за горами древними будет земля, на которой славы в древности, до Исхода великого, обитали.

И лишь Товарная слобода осталась у нас не описана. Ну да та всякой мелочью занимается. Изготавливает утварь домашнюю, приклад рабочий и строительный, словом, всё то, что в любом хозяйстве требуется. От иголок до ниток. Но основное её занятие – ткани. Льняные, шерстяные, хлопковые... Нашёлся злак чудесный, даёт вату мягкую, которую прясть можно не хуже шерсти и ткани из коей легки и приятны в ношении телу.

Так вот и живёт, богатеет государство славов. Прибавляется население с каждым днём, растут новые грады и селения, строятся мастерские и промыслы. Нет уже прежнего Совета племён. Все племена добровольно руку славов приняли. Дружескую, не господскую. Ибо куда лучше иметь твёрдую уверенность в завтрашнем дне, не зависеть от каприза богов и жить, познавая новое каждый миг своей жизни! Приходили целыми племенами – кто защиту искал, кто знания, кто силу. Никому славы не отказывали, лишь одно условие ставили: уважай ближнего своего. Ибо равен он тебе, несмотря на цвет кожи и рождение. И потому за пять сотен прошедших лет теперь одна на земле этой держава, единый народ, одно хозяйство. Даже диких кипчаков, коих пришлось спасать от мечей неведомого народа, в попытке спастись рванувших не в сторону славянских земель, а за Каменный Лоб, и тех у луров выкупили да сюда привезли.

Теперь кипчаки также живут у славов, растёт их народ не по дням, а по часам. Пасут они стада несметные туров, овец и прочей живности на самом полудне державы, став неким

щитом между племенами дикого материка, перешейком узким соединяющимся с освоенным, и тем, на котором сама держава привольно раскинулась. Но дружат крепко с прочими народами и не ссорятся, считают себя хоть и кипчаками, но славами одновременно. Никого огнём и мечом под свою руку славы не загоняли. Дружбу получали торговлей да ласкою, добрым словом да умением. Потому и прекратились ныне войны, растёт население, процветают ремёсла. Сыт и доволен народ, богата и могуча держава.

... – Княже!

Распахнулись массивные створки красного дерева, и на пороге вырос юноша лет четырнадцати, склонил голову, приветствуя хозяина покоев. Мужчина, тридцати лет от роду, светловолосый, но с карими глазами, выдающими то, что в его роду была меднокожая прабабка, повернулся от открытого окна, выходящего во двор детинца, вопросительно взглянул на вошедшего. Глаза мужчины потеплели.

– Что такое, Дар?

Подросток молча подошёл, протянул князю небольшой кусочек тончайшего пергамента. Мужчина быстро пробежал его глазами, вздохнул:

– Значит, конец... Спасибо. Скажи там внизу, пусть седлают Ярога. Сейчас буду...

Юноша кивнул, вышел, закрыв за собой двери. Мужчина остался один, тяжело вздохнул: пала Аркона. Последняя связь с землёй предков оборвана. Впрочем, последнее время она становилась всё тоньше и тоньше. Когда новое славянское государство росло и богатело, Руян и земли под его рукой беднели и уменьшались. Пять сотен лет назад совершили жрецы Святовиды страшное предательство и измену Славянским землям, заперев богов, оберегающих племя своё, в небесных чертогах. И обрадовался Трёхликий, Проклятый истинными, стал набирать силу, дав невиданные возможности своим слугам. Быстро появились новые государства на Старом материке, разбогатели, стали многолюдными. Плодились верящие в Распятого, словно кролики дикие. Проклятому нужна была сила, чтобы окончательно стереть с лица земли, подчинить их землю, заставить веровать в себя, уничтожить богов племени. И он этого добился. Из жадности да зависти совершили жрецы неискупимое предательство. Потому и нет больше Арконы благословенной, стёрта с лика Руяна она. Лишь пять тысяч беженцев доставил флот под командованием младшего брата его, Добрыни. И теперь славы и государство их сами по себе. Где-то скрываются ещё истинные славяне, верующие в изначальных богов, да только с каждым днём их всё меньше и меньше.

После того как Владимир-предатель окрестил Киев и пошёл огнём и мечом по землям славянским, сжигая идолов, разоряя капища и молитвенные места, убивая без разбора старого и малого, скоморохов, гусельников, всех тех, кто людей словом ободрял, стали чахнуть племена, слабеть. Высасывал их силу Трёхликий неуёмно, делаясь малой толикой с франками и даками, саксами и германцами, и именно потому стали те цари и короли набирать силу свою, захватывать исподволь, ничем не брезгуя, исконные земли лютичей и пруссов, полабов и венедов. А с полудня да с восхода пришли на славянские земли новые напасти – тысячи тысяч кочевников нового племени, хазарами и печенегами прозывающиеся, уничтожающие народ и города с селениями без всякой жалости и пощады. Горели нивы, пылали города, тысячами люди убивались без всякой жалости лишь за то, что возделывают они землю, за светлые волосы, за глаза голубые да ноги ровные. Сотни уводились в полон и исчезали бесследно, и полнились рабские торжища в Аравии, Персии, подсчитывали барыши константинопольские купцы. Вроде бы и окрепла Русь, как теперь славянские земли стали называть, да толку? В сяк князь под себя гребёт, соседа норовит обидеть. Сам за себя лишь стоит. Варяги и нурманы с севера подступают, тоже знак Распятого несут, славян в рабство обращают. Теперь лишь страна славов единственной осталась, где Триглав воли не имеет и куда ему путь пока заказан...

Всё это князь обдумал, сбегая по лестнице на крыльцо детинца, возле которого уже бил копытом могучий вороной. Легко, не касаясь стремени, взлетел в седло, вперёд выехал воин с княжеским символом, коротко в рог прогудел, и рванулся десяток охраны следом за всадником на вороном коне по мощённому двору, к воротам открытым.

Улицы Славграда были многолюдны, как обычно, но завидев реюший над кавалькадой бунчук алого цвета, жители и приезжие спешили расступиться, давая проехать спешащим всадникам. Подковы лёгкие, из металла особого, искры рассыпают, гривы полощут, хвосты развеваются у коней. Плащи багряные из ткани льняной, плотной колышутся от скорости. Красив князь воинский Ратибор и холост. И потому краснеют девушки и молодки, глядя на сильного мужчину в доспехе ратном лёгком, гордо сидящего на коне неслыханной красы. Силён он на диво, добр к людям и уважением пользуется за разумность и рассудочность. Да и двор его богат, так что замуж за такого выйти – счастье невиданное обрести. Вот и думайте теперь, отцы невест, как бы молодца такого под венец со своей дочерью отвести...

Через два часа выехали за городские стены, добавили ходу – до Торжка, как первый град, основанный на Старом океане, назвали, сутки пути. Спешить надо. Завтра должны корабли Добрыни пристать, привезти людей. Хлебнули те горя. Обогреть каждого нужно, пристроить, обучить порядкам да обычаям нашим. А самое главное – пусть тайники⁶, потомки Крута-ясновидца, что души людские видеть могут и читать, проверят каждого. Коли есть душа у беженца – принять. Ну а коли подсыл...

Дёрнулись губы князя в зловещей улыбке.

Выехали к Торжку рано утром, когда первые лучи Ярила океан бескрайний осветили, заиграли на волнах безбрежных искрами драгоценными. Поднёс к глазам трубу дальнозоркую – нет, не видать ещё парусов корабельных. Значит, время есть ещё. Можно и отдохнуть, и посмотреть, как готовятся к приёму новых гостей...

Пустил Ярога шагом – пусть остынет конь добрый. Теперь уж спешить некуда. Жеребец понял заботу, мотнул головой, всхрапнул ласково. У стены, окружающей город, встретила стража – здесь службу несут на совесть. Не только торговый это город, но и место, где весь флот боевой славов обитает. Место, где строят корабли, мастера живут, на верфях работающие, воины, что в наряде боевом службу несут, и те, кто управляет кораблями. Князя увидели – поприветствовали, как равного. Все ведь воины.

По ещё спящему граду едет князь со своими воинами, искры так и летят из-под копыт, цокот раздаётся конский лёгкий, когда едет небольшая кавалькада по мощённым камнем, чисто выметенным улицам вдоль домов богатых. Славы бедно не живут. Этим всё сказано...

Приехали на пристань. Там уже встречают. Тайники на причалах, куда корабли пристанут, возвращающиеся из похода, уже цепью стоят, чтобы ни один из приезжих не прошмыгнул мимо их взгляда зоркого. Оно вообще-то не страшно, если пустая оболочка явится вместо человека. Но нечего таким среди чистых людей делать. Будет пустота внутри несчастного точить и точить человека, лишая его сна и здоровья, зависть и злобу плодить-разжигать к окружающим его. И начнёт он стремительно чернеть, становиться тем, кто высасывает силу людскую да Трёхликому отдаёт, приманивать начнёт Проклятого на эти земли. Так что лучше уж сразу такого... в поруб⁷, а там и либо голову с плеч, либо позорной казни через удушение предать...

Ратибор спрыгнул с Ярога, устало пошатнулся вперёд, выпрямился. Ноги гудят чуть. Последнее время ездил мало, потерял сноровку немного. Пора отдых брать да в лагерях воинских силу потешить. Слишком много за пергаменатами сидели... К нему уже спешил старший пристани, склонил голову, приветствуя, качнулись перья металлические, его шелом

⁶ Тайник – служащий местной «ФСБ», обладающий некими паранормальными способностями.

⁷ Поруб – славянская тюрьма.

украшающие, – воин тот из меднокожих происхождением. У них обычай такой – на шеломы венки из стальных перьев ставить. За каждого сражённого – перо. Орлов-то на всех не наберёшься... Улыбнулся старший, руку к груди приложил:

– Здрав будь, князь Ратибор!

– И ты будь здоров, Анджиги, храбрый воин!

Обнялись, и сразу же князь за дело взялся: всё ли готово к прибытию кораблей, к приёмке беженцев? Старший доложил, что все на местах, собраны повозки. В городе в специальном лагере, который построили, когда корабли на Аркону пошли, уже всё тоже сделано. Занимаются всем определённые люди. Топят и бани для помывки, и пищу для людей кухари варят. Одежда тоже со складов выдана, и списки составлены тех, кто принимать новичков будет. Все они извещены, согласие дали.

Сработала махина державная без задержек и промахов, словно припиленные друг к другу любовно шестерни молота механического. Теперь осталось только дожидаться, пока корабли пристанут да сходни сбросят. Сразу станут телеги для пассажиров подавать, грузить на них людей, везти в место для сбора. Там отмоют их, накормят, оденут. Кому надо – жрецы помогут, изгонят лихоманку или иную болезнь из тела человеческого. А когда сорок дней пройдёт – соберутся те, кто пригреют новых людей, заберут их из общего места да повезут туда, где отныне новый дом будет для приезжего человека.

– Кавы, княже? Известят нас, когда паруса появятся?

Улыбнулся Ратибор:

– Не откажусь.

Знает слабость князя старший пристани, потому и предложил. Напиток из жёлтых плодов дерева, что никогда не роняет своих листьев, греющий душу и сердце, заставляющий лучше работать голову. А когда в него каменный мёд кладут да молоком тура заправят, – ничего вкуснее нет! И ароматный запах уже дразнит ноздри.

Расположились на балконе дома, где живёт старший пристани. До самих причалов – пешком если, не успеешь до ста досчитать. И вид на вход в бухту отличный, сразу заметят, когда паруса появятся. Пили каву, угощались пирожками с яблоками и варёной ягодой черники, хорошо, ещё не наступил полдень и жары особой нет. Да обдувает ветерок лёгкий с моря. Расслабился князь, отдыхает. Как же хорошо, когда выдаётся такое спокойное мгновение отдыха!.. Вели неспешные беседы. Рассказывал старший новости, о том, что в последние дни происходило, делился радостями: младший брат его водимую привёл наместни. Знатную свадьбу сыграли, веселились от души. Жена из рода кипчаков. Красивые дети будут у них. Князь порадовался тоже счастьем молодых. Взял на заметку прислать подарок молодожёнам.

Воины, что его сопровождали, пониже устроились, тоже пьют напитки, отдыхают. Девы, что на пристани Анджиги трудятся, так и вьются возле них, глазки строят. А ведь красавицы – одна к одной! Эх, точно, скоро ещё свадьбы будут...

Гулко ударило било на вершине горы, у подножия которой раскинулся привольно Торжок, и полетела весть от одного сигнальщика к другому, вызывая сообщение боем условным. Прислушался князь:

– На горизонте наши корабли. Двадцать стягов. Чёрных нет.

Отлегло на душе – мало ли какую заразу неведомую с беженцами могли на борт принять. Уходили ведь наверняка в спешке. До проверки ли было. Да и как отказывать тем, для кого палуба двулодника славов единственная надежда на жизнь? Допил не спеша вкусный напиток, встал со своего места, поблагодарил воина за хлебосольство. Тот ответил, потом кликнул девиц, велел прибрать за гостями и, уже суровее лицом, внутренне собираясь, поспешил за князем, шагающим широким шагом к пристани, куда должны были пришвартоваться корабли флота.

Могучие корабли заходили лихо! Наряды их явно хвастались перед князем, который обязательно должен был их встретить из такого похода. Громадные корпуса высились на добрый десяток саженей над водой, почти не кренясь совершали сложные манёвры. И вместе с тем – без суеты, делая своё дело чётко и умело. Двудодник воеводы похода замер у пристани первым, бросил канаты, которые подхватили подвязчики, обматывая толстые тросы из пальмового волокна, не гниющего в воде, вокруг каменных столбов. Взвизгнули обшитые толстыми шкурами подушки, призванные защитить деревянные борта от соприкосновения с каменной кладкой причалов. Послышались дружные крики причальных, что подтягивали при помощи брендановых махин корабли – по канату с кормы и носа каждого корабля цеплялись к ней, и, поднатужившись, мужи подтаскивали корабли вплотную к причалу. Ещё несколько мгновений – и вот уже толстая сходня падает на камень причала, тут же прикрепляемая к положенному месту, и на её ступеньки ступает Добрыня...

Подошёл поближе, потом порывисто шагнул вперёд, руки простёр навстречу – обнялись крепко братья. Рады оба встрече – два месяца не был младший князь у родных берегов, бороздил моря, до этого ни разу не хоженые и знакомые ему лишь по свиткам древних корабельщиков.

Лишь особо доверенные, да малым числом, ведали путь к отчим землям, но сам Добрыня до нынешнего года к Руяну не плавал ни разу...

– Как сходил?

Посуровел взгляд у воеводы, словно тень прокатилась по лицу его. Ответил глухо:

– Страшное творится на родной земле, брат. Ну да о том тебе лучше с беженцами побеседовать.

– Потом с ними говорить будем, сейчас пусть выгружаются. А мы – пойдём. Через два дня Совет соберётся. Пришлось вот... У нас тоже проблемы появились. И немалые. Так что – одно к одному, брат.

– Да... Беда одна не ходит. – Опустились плечи у воина, но тут же вновь голова поднялась, улыбка озарила лицо. – Да только слав беде не поддаётся...

– А мечом её, подлую, между глаз! – подхватил поговорку, известную каждому, брат.

Глава 2

Ратибор едва вытерпел, пока Добрыня приведёт себя в порядок: помоемся в бане, поменяет грязную одежду, – и, когда тот вошёл в трапезную княжеского терема, указал на заставленный яствами стол:

– Садись. Давай и поедим, и дела обсудим заодно.

Брат подошёл к столу, улыбнулся:

– Ты всегда торопишься.

Но впервые на его памяти тот не ответил на шутку, наоборот, лицо Ратибора стало ещё серьезнее.

– Давай с тебя начнём. Рассказывай.

Воевода похода пожал плечами, мол, раз так хочешь... Положил в миску томлёной уоты, сверху навалил нежного, варённого с душистыми травами мяса молодого поросёнка, посыпал всё сверху зеленью и резаными томатами. Отпил из большой чашки ледяного кваса, кинул в рот первую порцию горячего и, видя, что брат вот-вот взорвётся, всё же начал докладывать:

– До Арконы дошли без хлопот. По пути нам попалась какая-то мелюзга, но она никому ничего не расскажет: сожгли всех к черноголовой матушке. Подошли к условленному месту – второму капищу, но там уже было всё кончено. Охотники⁸ из наряда подошли на каное – там лишь трупы, посечённые на куски, да угли. Стало понятно, что придётся нарушить тайну и подойти к самому граду. Подождали нужное время, пока ночь не настанет, попросили туч побольше у владыки Грома⁹. Он на нашу просьбу откликнулся, послал просимое... – Снова съел ложку уоты, запил, продолжил: – Вошли в гавань – там тоже одни мертвецы. Перед нами градские датский флот потопили, что главный жрец Проклятого истинными призвал. Понятно, что, если мы начнём сразу к берегу приставать, вспыхнет паника и под горячую руку братоубийство случится. Потому стали в середине гавани, послали опять каное. Сам пошёл... Град был обложен плотно. Вражки крепкорукые из махин стены рушат день и ночь, воины на слом идут. В общем, людей у них не было. Все мужчины, от шести лет, на стенах бьются. Самые малые – камни подтаскивают, стрелы, воду и пищу воям разносят. А женщины в середине града собрались, куда камни не долетают. Там же и пораненные, кто увечья тяжёлые получил. Кто легко уязвлён – сразу после перевязки назад возвращается, а град – пылает... На берегу гавани нас окликнули. Дозор. Мы ругаться не стали, попросили кого из жрецов позвать. Те не поверили поначалу, кликнули мальчика, отправили. Да тут сам старший появился. Вместе с остатками дружины храмовой. Когда узнал, откуда мы и зачем явились, ликом потемнел, повинился за дела чёрные, попросил прощения за измену. И от помощи нашей отказался – сказал, смертью искупить желает то, что сотворили жрецы, когда отказались от прадедов наших. Дружина Святовидова жреца поддержала. Единственное – попросил он спасти женщин и детей и тех, кто ранен. И... казну храмовую отдал. Мол, ничего врагам не отдавайте, а вам она пригодится, верит, что на доброе дело пустим её... – Опять сделал паузу – еда остывала. Недовольно поморщился. Но Ратибор смотрел на него слишком уж серьёзно и ожидающе. Вздыхнув, воевода вновь продолжил: – Кроме золота, серебра и камней самоцветных без счёта – свитки, книги, доски с письменами предков наших и таблички каменные. Как сказал старший, там все тайны, жрецами хранимые с незапамятных времён, когда впервые ступила на сей мир нога славянина, и история племени нашего...

– Народа сколько и кто?

⁸ Добровольцы.

⁹ Иносказательное имя Перуна.

– Пять тысяч двести одиннадцать. Из них женщин, включая малых детей, – четыре тысячи сто. Мужского пола ребятни, до пяти лет от роду, – тысяча сто. Мужчин взрослых – одиннадцать. Все раненые. Очень тяжело. Еле доставили. По пути двадцать семь скончалось. Воинов. Взяли-то больше... – Снова вздохнул, и потом уже без понукания заговорил торопливо, захлёбываясь словами: – Наслушался я речей людских. Что эти твари в земле нашей творят – даже представить невозможно! Людей убивают всех подряд, причём способами настолько изуверскими, что только от вида смерти можно ума лишиться. Рабов гонят тысячами и не кормят. Умер – кидают на пищу невольникам. Мясом человеческим своих собак кормят! Деревни, грады жгут, а детей малых в огонь кидают или в колодцы. И для устрашения лютые казни устраивают публичные: кожу сдирают заживо, в кипятке варят на медленном огне, расчлениают на куски, пилами распиливают, кости дробят молотами; зверь лютей, дикий такого не делает, что эти чудовища, знаком Проклятого осенённые! Брат! Нельзя сюда Распятого пускать! Нельзя! И позволить ему захватить мир тоже нельзя! Надо вмешаться! Нельзя нам здесь отсиживаться! Или поздно будет!

Ратибор, потрясённый этим всплеском эмоций, расширив глаза, смотрел на Добрыню. Вздохнул, налил себе кваса. Сделал большой глоток, потом негромким голосом заговорил в свою очередь:

– У нас тут тоже... что-то подобное... Кипчаки, что на полудне кордоном стоят, прислали гонца с чёрным копьём.

– Что?! – Воевода вздрогнул: этот знак означал, что пришла беда...

– Через горы перевалили армии несметные людей со второй половины земли. Все в перьях, в доспехах из холстины просоленной, хлопком подбитой. Идут, словно саранча, будто жук полосатый¹⁰. Уничтожают всё на своём пути, вытаптывают поля, скот убивают и бросают. Что вольный, что домашний. Городки и селения жгут, а людей... – Старший брат сглотнул, потом выдавил: – Едят...

– Как – едят?! – был ошеломлён младший, и воинский князь повторил:

– Так и едят... Как мы – скотину. Насыпают земляной холм о четырёх углах. Наверху ставят плиту плоскую, каменную. На том камне пленнику грудь и живот вспаривают, вырывают сердце. Потом тело бросают воинам своим. А те уже и... Кипчаки донесли. А я им верю. Да пленные подтвердили. Взяли наши небольшой отряд.

– Их речь знакома?!

– Нет. Но среди пуэбло нашлись знатоки. Их купцы торгуют с горными людьми, а язык у находников и тех племён схож. Словом, поняли друг друга.

– И?..

– Да почти двести тысяч отборных воинов вышло в большой поход. По наши души.

– Что же они хотят? Злато? Жито? Сталь?

Брат отрицательно мотнул головой:

– Нас. Всех. Нас. И стариков, и детей, и мужчин, и женщин. Чтобы принести нас в жертву богу своему, Великому Змею, на гигантской пирамиде в своей столице...

– А хотелка не коротка ли?! – теперь вспыхнул младший, но воинский князь слегка стукнул по Божьей Ладони. Слегка. Чтобы не обидеть, и чуть повысил голос:

– Не коротка! Это сейчас на наших Равнинах двести тысяч их воинов. Может, чуть меньше. Но позади них идёт ещё... Орда... А уж в ней – все полмиллиона...

– Половина миллиона?! – потрясённо переспросил воевода и, получив в ответ утвердительный кивок, охнул: – Перун-громовержец, и сын его, Маниту-сеятель! Помоги и защити племя славов... У нас же...

¹⁰ Ныне колорадский жук.

– Всё верно. Тех, что на суше бьются, – три десятка тысяч. И тех, что в море ходят, – столько же. Да крепкоруких десять тысяч. Всего – семьдесят тысяч. Пусть людоеды стали не знают, но они нас числом задавят. Посчитай сам: на одного нашего – десять их! Тяжко придётся, брат!

– У луров да иннуитов помощи просить надо!

– Послали уже. Да только те сейчас схлестнулись с племенем диким, которое из пустынь на полудне вышло несметными полчищами от реки Керулен. Не могут они много войска дать. Да и потом, брат... Покажем им свою слабость – станут по-другому с нами разговаривать.

– Верно говоришь. И что же делать?

– Именно, что делать. Не сидеть же сложа руки да ждать покорно, пока нас на вершине пирамиды во славу Трёхликого растянут и сердце вырвут... Я приказ отдал: мужей от восемнадцати лет до двадцати пяти забирать на службу и учить бою. Но времени почти нет...

Поднялся из-за стола, подошёл к шкафчику плоскому, где чертежи хранил, вынул оттуда большой лист пергамента, расстелил на втором столе, специальном. Прижал досками края, вынул указку деревянную, показал на листе:

– Они обошли селения рода Пуэбло и прошли через земли рода Навахо. Там была большая битва, но... – Опустил на мгновение голову, снова поднял, провёл концом указки почти у конца пустыни: – Сейчас они здесь. По крайней мере, вчера там были. Остановились на отдых после перехода через пески у реки Слэз¹¹. Орёл прилетел от кипчаков с донесением. Пригнали враги много рабов, принесли их в жертву, ели, веселились. Рабы не наши. Откуда-то из своих земель. Я отправил скорым маршем с Торговой слободой всех, кого мог. В городках воинских по три – пять человек осталось. Словом, лишь бы выиграть время. Кипчакам велел отправлять семьи в глубину державы, а воинам собираться у Жаркого града¹². Туда же идут и войска. Подтягиваются крепкорукие. Да ещё тут из Махинной слободы просят нас немедля прибыть в Рудничный град. Что-то там наши махинники изобрели. Похвастать хотят. Малх Брендан обмолвился, что эта придумка весь мир перевернуть может.

– Ну, его всегда заносит...

– Не всегда. Тут, пока вы в походе были, лодью показал, что может без ветра двигаться. Модель, вестимо. Невеликую. На пятьдесят тонн груза рассчитанную. Но она резвее самых быстрых двулодников по воде пошла...

– Как это?!

– Потом, брат. Всё потом. Я лишь тебя ждал. Сейчас пока всё. Ешь. Пей. Прости, что не дал нормально поесть. Сейчас скажу, всё горячее подадут.

Добрыня махнул рукой:

– После слов твоих до еды ли мне?

– Ешь, тебе говорят! Ты мне сильный нужен! Ясно?! Нам ещё четыре дня на конях трястись, да по Великому озеру плыть, пока до Рудничного доберёмся! – Поднялся из-за стола. – Я всё сказал. Отдыхай. Схожу пока на пристань да посмотрю, что и как там. Как стемнеет, вернусь, и чтобы спал у меня! Эвон, глаза как у рака морского! Или скажешь, солью разъело? Отдыхай! – Хлопнул брата по плечу, вышел из трапезной.

... На пристани не было ни суеты, ни суматохи. Все славы чётко делали своё дело: сходящих на камни причала людей сразу сортировали – детей, оставшихся без родителей, отводили в сторону, где их ждали одетые в синие одежды служители Матери Людей. Так назывались дома для сирот. Служители сажали детей на повозки и увозили в город. Матерей с детьми тоже принимали славы из этих обителей, только с белой каймой внизу длинных, до

¹¹ Река Рио-Гранде.

¹² Примерно там, где сейчас находится город Эль-Пасо.

колена, рубах. Этих беженцев через сорок дней, после карантина, отправят в глубь страны, за время пребывания их в лагере выяснив, на что пригодна каждая из женщин. Кто попадёт в мастерские ткачей, кто – в Товарную слободу, кого распределят по другим местам. Для них это самое лучшее – во всяком случае, долго вдовами они не проходят. Бездетных же просто строили в группы и вели своим ходом в главный лагерь, приготовленный в безлюдном месте – славы не хотели эпидемий. Увечных и раненых воинов прямо на пирсе смотрели лекари, оказывая неотложную помощь.

Князь подошёл к носилкам, стоящим на земле, внимательно посмотрел на привезённых: ростом пониже, чем славы. Плечи, правда, такие же. Лица – обычные для рода славов. Прямые длинные носы, светлые волосы, брови. Глаза... Сейчас все пострадавшие спали, испив макового отвара, поскольку дела над ними творились нешуточные: вправлялись кости, накладывались лубки, чистились и зашивались раны, внутренние органы. Лечебники в державе были очень искусны...

– Оружие их где? – обратился князь к стоящему возле носилок воину корабельного наряда.

Тот кивнул в сторону двулодника.

– Ясно.

Взлетел на палубу, словно ястреб, и сразу к нему бросился командир корабля.

– Аскольд Туров, княже, – представился. – Что привело к нам?

– Оружие и доспех от увечных здесь ли?

– В ящике опечатанном. По распоряжению воеводы. Там и ещё другое. Что прихватили из Ар конны.

– Отлично. Ящик доставить в дом княжий немедля под охраной.

– Исполним тот час же.

Подозвал двух воинов наряда, негромко отдал распоряжения, те кивнули, ушли. Князь взглянул на палубу, на снасти: всё в полном порядке. Молодцы! Выучка отменная. Кивнул, спустился обратно. Снова прошёл по пирсу – женщины тянулись цепочкой одна за одной. И у всех на лицах одинаковое выражение – безмерного горя. Каждая потеряла близких на родине. Спаслась чудом, чтобы никогда больше не увидеть родные края. Что теперь ждёт их? Как сложится судьба? И получится ли жить вроде бы и среди славян, и с другой стороны – теперь эти славы и зовутся по другому, и уклад совсем другой у них, и смешение крови невероятное... С виду – славянин славянином, да одежда чудная. Совсем другое платье они носят. Покрой иной. Ткани неведомые. У воинов оружие невиданное. Лошади громадные, куда больше, чем на родной земле. Даже больше, чем у крестоносных рыцарей. А быки... Чудовища истинные! Громады, коих свет не видывал! Дома устроены чудно. Улицы – мощённые камнем. Деревья неизвестные, солнце стоит столь высоко, что тень совсем крохотная. И жарко, будто в бане. Незнакомые злаки на прилавках множества лавок, торговцы всех цветов и одежд, и все неизвестные... Куда привезли их, не спрашивая? Лишь по воле павших в Арконе отцов, мужей и братьев. И кто вообще эти славгородцы? Что за град такой неведомый? В какой земле? Сколь ни пытались расспросить беженцы воинов, куда плывут столь долго на невиданных кораблях, – те отмалчивались. Ни один не сказал ни слова. Да и речь их понимать трудно было. Некоторые слова вроде и свои, но и чужих очень много. А те, что понятны, уж сколь лет в речи не используются... И этот, высоченный, на голову выше прочих, в плаще цвета зари. Стоит недвижно, а глаза – как у рыси лесной цветом. Не человечьи. И кажется, будто он видит тебя насквозь... Ох ты же, мати моя!!!

Купава ахнула, когда её племянник, единственный выживший сын старшего брата, оставшегося в Арконе навсегда, Борка, мальчуган трёх с половиной лет, подошёл к этому чужеземцу и застыл у ног воина, зачарованно открыв рот. Тот заметил, немного наклонился:

– Что, ждёшь, когда ворона гнездо во рту совьёт?

Мальчик насупился, а гигант вдруг легко подхватил парнишку, усадил на руку, погладил ладонью по пшеничного цвета голове:

– Что же ты один бегаешь, а где мамка твоя?

– Убили.

– А братья, сёстры есть?

– Убили.

– А папка?

Тот ничего не ответил, только угрюмо засопел. А воин как-то обмяк, только что стоял твёрдо, будто дерево, а теперь даже плечи опустились. Девушка не выдержала, рванулась из толпы беженцев, ожидающих, когда их станет больше, протолкалась в передние ряды, но её рванули назад:

– Куда прёшь? Не одна ведь! Ишь, боярыня!

И тогда она закричала, истошно, как могла:

– Борка! Борка!

Мальчуган услышал, завертелся на руках, и воин осторожно опустил парнишку на камень причала, но не отпустил, а, держа за ручку, подошёл к цепи воинов, за которыми находились прибывшие из Арконы. Его необычного цвета глаза сурово, даже чуть зло упёрлись в женщину, которая замолкла, когда племянника подвели к ней. Не отпуская мальчика, медленно процедил сквозь зубы:

– Что же это за мать, о которой сын говорит, что ту убили? Или лжёт он?

Купава задрожала, но выдержала суровый взгляд.

– Прости, боярин, не сын он мне. Племянник. И нет в его словах лжи. Всех у него даки вырезали. Чудом спасся.

Взор воина потеплел, лицо немного оттаяло. Неожиданно мужчина вдруг поклонился ей, коснувшись рукой камня, выпрямился:

– Коли так, прости меня, девица, за недоверие. Чья будешь?

– Из рода бояр Черепановых мы, боярин. Я дочь его меньшая, Купава Браниславовна...

– Запомню тебя, девица. А теперь бери своего племянника. и не отпускай больше пока.

Народу много, затопчут – худо будет.

Слегка подтолкнул мальчика к девушке, та присела, обняла Борку, а он ещё раз посмотрел на них, отвернулся, снова отошёл за цепь охраны, заговорил о чём-то с одетым в синее с белой полосой одеяние человеком, показывая на них с племянником. Потом зашагал уверенным шагом сильного человека прочь. Синие-белый же мужчина быстро подошёл к воинам, отделяющим приехавших от остального града, что-то прошептал двоим из них, затем приблизился к ней:

– Вещи есть у тебя, девица?

– Нет ничего, батюшка. Только то, что на лодье всем давали.

– Бери своего малыша да пошли. Князь распорядился насчёт тебя особо.

– Князь? То сам князь был?! – Купава растерялась, а мужчина средних лет пояснил:

– Князь воинский Ратибор Соколов. Пошли, девица. Путь нам не близкий предстоит.

Не спрашивая разрешения, подхватил мальчика на руки и, не оглядываясь, зашагал к воинам охраны. Те молча развели копья, пропуская его и боярышню, затем снова сомкнули. Едва все трое оказались на свободном месте, как к ним подошёл юноша лет пятнадцати, внимательно взглянул на девушку и мальчика, молча кивнул и отступил в сторону, пропуская дальше... Затем был путь по многолюдным чистым улицам. Купава уже устала, ей было очень жарко, но мужчина спокойно шагал, словно и не нёс Борку на руках. Тот же вертел головой во все стороны, ему всё было интересно. Наконец, когда славянка уже была готова взмолиться о передышке, синие-белый резко затормозил перед большой дверью в глиняной

белой стене, стукнул в неё висячим кольцом, а когда створка повернулась на петлях, поставил мальчика на камни мостовой и произнёс:

– Заходите. Ждут вас уже.

...Ратибор внимательно рассматривал расстеленный перед ним на полу дома доспех арконского воина и лежащее рядом прочее оружие. Только час назад он столкнулся с горем. Настоящим горем, которое пришлось испытать тем, кто приехал из старых земель. Его словно опалило словами мальчишки, и он, поддавшись чувству, велел определить его с той, что являлась его тёткой, в учебную слободу. Вырастет парень настоящим воином, сможет отомстить за павших братьев и сестёр да родителей. А жёнка... Что – жёнка? И ей дело найдут. Тайники да розмыслы¹³ всё, что можно, о старых землях да людях, там живущих, узнают да запишут – будущим розмыслам на пользу пойдёт. Нельзя родные края без призора оставлять. Ещё придёт время, когда славы возвратятся домой, чтобы вернуть отчие края истинным богам, изгонят заразу Трёхликую.

Однако то, что князь видел перед собой, ему не нравилось. Очень не нравилось. Доспех сделан грубо. Качество металла низкое. Это даже не сталь, а обычное закалённое железо из простой ручной домницы. Следы ударов молота, скверная пайка крупных, слишком крупных колец. Даже доспех отца, Брячислава Вещего, висящий в детинце Славграда на почётном месте, сделан лучше.

Ратибор наклонился, взял меч. Взмахнул, примеряясь к балансу... Скверно. Неуровновешен. Следы ударов вражеского оружия. Прищурился, вглядываясь в рисунок стали, – это не булат. Нечто среднее. Лезвие тупое. По сравнению со славгородскими мечами, конечно. Там, может, это и нормальное оружие... Положил обратно. Тяжёлый нож-скрамасакс даже смотреть не стал – неуклюж, неудобен. Их оружие, опять же, лучше.

Поднял лук, тронул тетиву пальцем – запела она на разные голоса. Попытался натянуть – лук с жалобным хрустом переломился в середине. Тетива же осталась невредимой. Да что же это такое?! Они что там, на родине, совсем оружие доброе делать разучились? Подобрал обломки, снял тетиву, подивился невиданному материалу. Ровный, тонкий, гладкий. Скользит в руке нежно. Подумал, подошёл к стене, снял тяжёлый боевой лук славгородцев, упирая коленом в седло, согнул оружие, надел арконскую тетиву... Выдержала! Снова тронул пальцем – звук был совсем другой! Чистый, звонкий... Попытался натянуть, сколько хватило сил... Рога почти сомкнулись, но тетива держала... Отпустил... и с оторопью уставился на разрез, из которого хлестала струёй кровь... Спихнулся, выбежал наружу, подозвал отрока. Тот метнулся опроретью, принёс ларец со снадобьями, по пути кликнул лекаря... Старик долго пенял князю, словно неразумному дитя, – едва не располосовал себе тот сухожилия струной тонкой, словно женский волос. Зато понятно стало, что за щиток непонятный среди доспехов был: прикрывал он запястье той руки, что лук держит. А тетива хороша! Тонкая и прочная на диво! Да только если Малх Бренданов действительно выдумал то, о чём речь в письме была, то луки, да многое другое, уже ни к чему...

Взглянул в окно – уже стемнело. Пора и самому спать идти. Добрыня-то, как челядинцы доложили, едва поел, так за столом и уснул. И не мудрено – весь поход спал по два-три часа, да и то урывками. Столько всего каждый миг решать приходилось... А мальчишка должен добрым воином стать... – подумал князь, проваливаясь в глубокий сон сильного человека.

¹³ Розмысел – разведчик.

Глава 3

Громовой удар больно ударил по ушам, а лошади нервно вздрогнули, запрядали ушами, приседая на задние ноги. Жеребец Добрыни с диким ржанием встал на дыбы, слепо молотя передними копытами в воздухе, но крепкая рука, рванувшая узду, и сжавшие рёбра животного ноги, способные удерживать камень весом в два пуда почти двенадцать часов, почти мгновенно заставили того застыть на месте. Боевой тур, на котором на стрельбище прибыл начальник тяжёлой кавалерии Буян Кузнецов, просто чуть присел и гулко, протяжно замычал... Где-то там, далеко, на расстоянии примерно в два перестрела двухпудового лука¹⁴, вспухло облако пыли и камня.

– Ничего себе... – прошептал кто-то, а Малх Бренданов, коренастый, в прародителя невысокий, довольно хмыкнул:

– Вообще и дальше палить можем. Но меткости нет.

Ратибор спрыгнул с коня, отдал повод возникшему перед ним отроку, приблизился к ужасному орудию войны, продемонстрированному хитроумным махинником. Тот же, возникнув рядом, пояснял:

– Две трубы стальных. Цельные вытянуть не смогли. Потому в каждой по шву, развёрнутому друг к другу навстречу. То есть за спиной каждой трубы шов. Между трубами – опять же сталь жидкая залита. Для прочности. Много попыток сделали, пока получилось прочно. Внутренняя труба, куда зелье и снаряд укладываются, на конус изготовлена. Потому ядро и садится прочно, и зелье не мимо него в щели идёт, а всё полностью уходит на работу. И летит снаряд гораздо дальше, чем если бы просто круглое дно было.

К орудию подошёл Добрыня, с ним вместе и Буян. Покосились на остро воняющий непонятно чем механизм, утверждённый на массивной колоде, потом командующий турами задал вопрос:

– А палить из него только этими шарами можно? Так толку мало. Ну, одного, при удаче двоих завалить можно...

Тут Малх просто просиял:

– Это я вам дальность стрельбы показывал. Сейчас прочие чудеса покажу!

Отбежал в сторону, замахал руками, отдавая распоряжения подмастерьям, те засуетились возле трубы, а военные внимательно наблюдали за их действиями: вот один из них чем-то вроде большого ерша, которым чистят трубы печные, орудует, так же, похоже, чистя ствол. Потом другой вкладывает внутрь трубы мешочек из хлопка. Явно с огненным зельем. Первый, что до этого орудовал мешком, длинной палкой, на конце которой деревянная шайба, проталкивает тот мешок внутрь трубы, а второй в это время стоит уже наготове с большой войлочной пробкой. Первый тем временем меняет свой приборчик на длинный шест с лезвием на конце, несколько раз втыкает его в мешок, уже оказавшийся на дне трубы. Затем ставят пробку, плотно забивают её до упора. А после этого... Ратибор не поверил своим глазам – точно такую же пробку, только из воска, аккуратно вталкивают внутрь. И подмастерья отбегают назад, а сам Малх подносит зажжённый фитиль к крошечному отверстию на конце трубы. Снова грохот, пламя из противоположного конца трубы, колода вздрагивает, и... Дикий вой. Земля вдали словно вскипает, а на лице махинника довольная донельзя улыбка. Едва князь проковырялся в ушах, как тот подскочил к нему и затараторил:

– В воске пули круглые, малые. От огня тот плавится, и пули сами летят во врага. Пять сотен мы заливаем для этого калибра. Зараз. Почитай, пять сотен стрел только что выстрелили!

¹⁴ Усилие натяжения тетивы в 32 кг.

– Пять сотен?! – не веря услышанному, переспросил Добрыня, трясая головой, словно пытаюсь вытряхнуть невесту как попавшую в уши воду.

– Не веришь – сам посчитай, – обиделся махинник, показывая на такой же точно снаряд, стоящий на столе.

Приготовился вновь заряжать своё орудие, но князь махнул рукой, мол, не надо пока. Направился к столу:

– Это что?

– Внутри такая же смесь, какой и стреляем. Но неудобно оно. Опасно. Не рассчитал фитиль – в стволе взорвётся. Или будет гореть, когда упадёт, и враг потушить может. А так – падает и взрывается. Осколки чугунные по ворогу бьют, ранят.

– А тут?

– Огонь наш негасимый по книгам жрецов. Пояснить, что будет, не надо? – не преминул съехидничать потомок монаха, за что получил тычок в бок, и воинский князь зашагал в сторону, к накрытому столу. Только вместо еды на нём красовались диковинные устройства. Внимательно посмотрел на них: – Как я понимаю, это что-то вроде громовика твоего, только с рук палить?

– Верно, княже. Оно самое. Можешь сам испытать.

Ратибор взял в руки ручное чудовище, прикинул – тяжёлое. Но держать можно. А Малх торопливо пояснял:

– Стреляет от фитиля. Одной пулей, что в снаряде громовика пульным. Так что сразу на всё пули льём. Только, княже, будешь палить, отворачивайся. По первому разу можешь пострадать. Потом, когда освоишься...

Запалив фитиль самолично, князь приложил оружие к плечу, похоже на самострел. Отвернул лицо чуть в сторону, нажал на крючок внизу. Бахнуло... Да в плечо так въехало, что чуть не выронил малый громовик из рук. Зашипел. А Малх трещит, словно сорока:

– Плотнее прижимать нужно, княже! Тогда больно не будет!

– Так сказать сразу нужно было, дурень! – не выдержал стоящий рядом Добрыня, отведив в сердцах подзатыльник махиннику.

Тот, впрочем, не обиделся. Росли-то все вместе, втроём, и колотушек в юности друг другу перепадало от каждого не мало.

Ратибор потряс головой, потом спросил брата:

– Что было-то? Я не смотрел.

Тот добросовестно разъяснил:

– Фитиль в бок пошёл. Оттуда как фыкнет! Потом, понятно, пуля улетела. Далеко. Я не видел куда.

Князь начал свирепеть:

– И что толку от твоей ручницы, если стрелок в белый свет палит, как в полушку?!

– Ты, княже, в первый раз стрелял. Потому и просил тебя глаза побережь. А вот я выстрелю, позволь?

Взял второй самострел огнебойный, запалил фитиль, приложил к плечу, прищурил глаз, произнёс:

– Смотри туда, княже. Где мешок стоит с шерстью.

Ратибор перевёл глаза туда, куда было велено. Бах! Мешок дёрнулся. Однако... А ведь Малху стрельба из лука так и не далась! А тут...

– Четыреста шагов бьёт точно. На четыреста пятьдесят те, кто поопытней, тоже бить смогут уверенно. А дальше – как повезёт...

– А сколь времени ты из своего громобоя палить учился?

Тот расплылся в улыбке:

– Месяц.

– Сколько?!

– Месяц. И вот – сами видели.

– Значит, обучить стрелка за тридцать дней можно?!

– И меньше. Но лучше бы, как я сказал.

– А...

– Мастерские наши больших громобоев по десятку за седмицу льют. Снаряды к ним тоже в достатке сделаем, сколько нужно будет. А малые громобои... – На миг отвёл глаза в сторону, что-то прикидывая, потом твёрдо заявил: – Сотню в месяц сделаем. Потом быстрее пойдёт.

– А зелье?

– С ним проще. Не поверишь, княже, – забава детская! Решил один из отроков матушке картину подарить – взял кислоты в мастерской да бутылку тряпкой заткнул. Пока нёс домой, тряпка намочла. Ну, он её в сараюшке и кинул, да забыл. Тряпица высохла, пожелтела... Матушка дитяти решила у сына прибраться, и тряпку ту в печку кинула, к прочему мусору... В общем, пришлось новую печь складывать. Ну а я, узнав про то, вдруг сообразил, как эту забаву к делу пристроить. Как раз кораблик тот самый испытывали... – Он многозначительно взглянул на всех, стоящих возле него.

– Понятно. Значит, тряпка и кислота?

Махинник стал серьёзным на удивление, вздохнул:

– Знали бы вы, сколько мы всего перепробовали, пока получаться начало. Тут и сама кислота, и ткань, и много чего прочего... Каждая мелочь значима! Чуть в сторону – и всё без толку...

– Твои бы огнебои большие хоть на повозку, что ли, поставить? Колоду-то не натаскаешься...

– Уже, княже, делаем. Мастерим её основание, чтобы на быках или конях таскать можно было. И механизм для наводки на цель тоже. Это образец первый, можно сказать. И с фитилём придумаем получше! А то, не дай боги, дождик пойдёт, и не выпалишь! Да мы ими и заниматься-то начали недавно совсем. После того как большие огнебои научились делать. Тут ведь проблема не в зелье огненном. А в самом стволе. Его нужно делать и прочным, и лёгким. А трубы большого размера без швов мы делать не научились. За сварку побаиваемся – дело новое, неизученное. А вдруг порвёт? Вот и стали меж двух труб заливку делать. Тоже пока сообразили, что и заготовки калить нужно... Словом, пришлось попыхтеть. Ну а со снарядами легче было. Почитай, готовыми взяли от требучетов. Насчёт малых же огнебоев ещё думать будем. Есть у нас задумки...

Ратибор вздохнул:

– Некогда думать, Малх. Война у нас.

– Как?! С кем?! – Глаза махинника, казалось, сейчас выскочат из орбит, и князь не стал заставлять друга долго ждать, правило у славов с самого начала племени было: что плохая весть, что добрая – говори без утайки.

– Со второй половины мира неведомые племена спустились на наши равнины... Неисчислимы множества воинов лютых, безжалостных идут на нас войной.

– Погоди, погоди, княже... – Мужчина замахал перед собой руками, не в силах ещё осознать весть. – Как это – множество?

– Так. Почитай семь сотен тысяч воинов сейчас спускаются с зубчатых гор и выходят в Злую пустыню, и часть из них, около трети, – уже стала лагерем на реке Слёз, напротив Жаркого града, и готовятся к штурму.

– А как?.. Где же...

– Там сейчас все тридцать тысяч тех, кто дерётся на суше, и все оставшиеся кипчаки. Жителей вывозим в глубь страны. Начинаем призывать мужей на службу воинскую. Но сам

знаешь – доброго лучника подготовить не один год нужен. Мечника – так же. Дай мы воям оружие привычное – почитай, выбросили его на помойку. А людей добровольно на стол людоедам отправили.

– Каким людоедам? Что ты за сказки страшные рассказываешь, Ратибор?! Вроде взрослые мы уже, скоро свои дети пойдут...

– Не сказки. Людоеды находники. Самые настоящие людоеды. Или ты думаешь, что кипчаки лгать станут?! – Князь начинал свирепеть, хотя глубоко внутри понимал, что оторванному от действительности махиннику принять, что где-то там идут на Славвию самые настоящие людоеды, те, кто питается человечинной... Ну просто невозможно понять такое! Как подобное только может существовать на земле?

И сейчас острый ум Малха уже начинает осознавать слова старшего друга на действительном уровне, а имея столь живой ум, как бы он... И верно, махинник вдруг побледнел, его желудок внезапно вывернуло, и окружающие изобретателя военные едва успели отскочить в стороны... Рвало мужчину долго и мучительно, буквально выворачивало, пока наконец внутренности не стали извергать одну желчь. Кое-как он распрямился, с виноватым видом вытер рукавом губы, просипел:

– Простите...

Снова ощутил позыв, но удержался. Только волна словно прокатилась по его телу. Единственное, что мог сделать для друга Ратибор, – это немедленно отвлечь того новой задачей:

– Хватит! Давай лучше делом займись! В общем, так: через неделю в лагере воинском под Славградом на дороге в Новый Торжок¹⁵ должны быть десять пушек на новых основаниях, пригодных для перевозки и боя. Да зелье к ним огненное и снарядов вволю. А в конце месяца – удобный для пешца огнебой! Можешь не спать! Можешь не есть! Но если приказ мой не выполнишь – пеняй на себя! Не помилую! И к концу же месяца первую сотню огнебоев больших с зельем огненным и припасами к ним поставишь в оружейную Славграда. Понял, махинник?! Некогда нам ждать, когда ты вокруг да около ходить будешь! Чтоб сделал всё, что велено! Приказ тебе такой от имени Совета. – Развернулся, собираясь уходить. За ним повернулись брат и командир турьих всадников, но, словно спохватившись, князь обернулся: – С первыми десятью большими огнебойми пошлешь своих подмастерьев. Вот этих самых... – Указал на тех, что возились с заряданием орудия. – Они народ учить будут оружием новым пользоваться. Всё понял, махинник?

Тот, бледный, кивнул. Ратибор махнул рукой, взлетел в седло, не касаясь стремян, и ещё добавил:

– Чего не хватает – взять с любых складов. Хоть с воинских, хоть с морских, хоть с купеческих. И помни: не сделаешь, что сказано, на твоей совести будут души тех, кого эти чудовища съедят...

Резко пришпорил своего Ярого, следом неспешно затрусили бык и второй конь. Ещё чуть позади, шагах в пятидесяти, тронулись гридни. Отъехав на сотни полторы шагов, Добрыня поравнялся с братом:

– Крут ты, однако...

– Нельзя сейчас сопли жевать, брат! Дай Малху волю – сам знаешь, начнёт каждую детальку по десять раз переделывать, пробовать по сто различных способов одного, другого, третьего, растянет всё на годы! А у нас времени нет! Вообще нет! Поверь! Я не знаю, сколько удержат сухопутные и кипчаки Жаркий. Хорошо, коли месяц. А если меньше?! Там все наши крепкорукые, все боевые махины, все воины! И можешь меня проклясть – я не уверен, что хотя бы десятая часть из них уцелеет... Что там десятая... хотя бы сотня выжила... – Махнул в отчаянии рукой, подняв глаза к чистому, прозрачному небу.

¹⁵ Порт славов на Атлантическом побережье.

В этот самый час гигантский лагерь майя двинулся в дорогу – в трёх днях быстрого пути находился первый большой город нового народа, который обнаружили год назад разведчики государства. Пирамиды и Пернатый Змей требовали жертвы. Как можно больше жертв! И потому воины империи неустанно рыскали по сельве, горам и джунглям в поисках добычи.

Ровно в назначенный вождями срок первые отряды увидели вдали белеющие стены обещанного им города, где армию ждала богатая добыча. Судя по его величине, там проживало не меньше ста тысяч человек. Самые нетерпеливые уже предвкушали вечерний ритуал и обильную трапезу. Что поделать – с продуктами в империи было туго. Постоянные засухи, нехватка воды и уменьшающееся население вызывали множество войн между городами-царствами. Но когда разведчики, проникнув далеко на север, в более холодные края, принесли весть, что там живет множество живого мяса, майя воспрянули духом – близился час восстановления могучей империи! А тысячи новых жертв умилостивят свирепого бога, и он вновь сниспошлёт своим верным племенам обильные дожди, которые возродят землю.

Колыхались драгоценные перья на прочных плетёных щитах и копьях военачальников, командующих отрядами. Северные города империи отставили вражду в стороны и впервые за долгие годы объединились для завоевания. Добычи было столь много, что хватит всем, сколько бы ни пожелал каждый из майя. Южные города, ведущие войну против нового царства инков, решили на время оставить боевые действия против многочисленных врагов. К тому же полководцы инков показали себя очень искусными в военном ремесле, а их оружие несколько превосходило то, что имелось у майя. Поэтому после небольшого отдыха гигантская армия в пятьсот тысяч воинов также двинулась на север, следом за передовыми отрядами.

...Вольха, прищутив глаза, всматривался в неумолимо надвигающуюся стену захватчиков. Несметные полчища одетых, несущих в руках круглые щиты чудовищ. Хвала богам, по виду они куда ниже славов, да и хилее телом. Панцири на многих. Похоже, из ткани. Ерунда. Для булатного меча и стальная кольчуга не помеха... Поножи из дерева золотистого цвета. В свободной руке – связка дротиков. И нигде нет знакомого блеска железа, не говоря о стали. Значит, правы наши размышления, когда говорили, что всё оружие у звероловцев из камня и кости, а из металлов лишь золото и серебро имеются. А то – металлы мягкие, и оружие и доспехи из них, кроме своего веса, достоинств иных не имеют.

Он вновь напряг глаза – нет, они его не обманывают. Позади линии тех, кто несёт дротики, ещё более густые и плотные ряды воинов, вооружённых немного иначе: копья, дубины с зубчатыми набалдашниками из камня и того же мягкого золота, нечто вроде длинных деревянных дубин с блестящими лезвиями из вулканического стекла... Спасибо пра-пра-прабабке Анкане, наградившей своего потомка необычайно острым зрением.

Торопливо пробормотал то, что смог увидеть, своему воеводе, находящемуся рядом с ним. Тот кивнул, тронул своего тура с места, развернул громадную тушу и двинулся назад. Вскоре раздался заунывный звук рога. По его сигналу воины начали перестраиваться, смыкая ряды. Тяжеловооружённые всадники на громадных быках. В стальных непробиваемых глухих доспехах, с длинными копьями и столь же большими щитами. Их звери – в стальной накидке, закрывающей всё тело животного, а голова тура увенчана страшной маской в виде дракона с торчащими вперёд, отточенными, словно бритва, лезвиями.

К бою! Новый сигнал. Заволновались животные, услышав запечатлённый в крови звук. Начали быстрее ходить крутые бока, усилилось сопение, вырывающееся через дыхательные отверстия головных масок. Да и воины, сидящие на спинах туров, тоже не сидят спокойными изваяниями... Их лица у кого багровеют, у кого, наоборот, бледнеют... Сжимаются окованные чешуйками металла пальцы боевых перчаток на древках копий, вторая рука оглажи-

вает приклад стального самострела, уже заряженного и готового к молниеносному выстрелу. Второй точно такой же – с другого бока. Также готов к бою. Длинный, гораздо длиннее, чем у обычного всадника или пешего бойца, меч. И широкая боевая секира на длинной рукояти. Доспех воина на быке сделан из стальных пластин толщиной в палец взрослого мужчины, с ребром впереди, чтобы вражье оружие при лобовом ударе уходило в сторону. Глухой конический шлем, полностью закрывающий лицо с прорезями для глаз, в которые вставлены прозрачные толстые стёкла из горного хрусталя. Прочные и чистой воды, не дающие искажений. Отверстия для дыхания – внизу с боков остроконечного шлема, забраны частой кольчужной сеткой. Ноги и ступни воина прикрыты такими же стальными пластинами, как и панцирь, пришитыми к кольчужной сетке...

Дорог доспех турава всадника. Ой как дорог! Цена такого – как пять обычных доспехов для конного! А тому цена – в пятьдесят коров!

Ещё сигнал рога – но это не им. Труба пещцов. И – ливень, настоящий дождь прочных стрел, выпущенных из громадных тугих луков. Лук слава – в сажень длиной. Составной. С прочной тетивой. На пять сотен шагов летит стрела из такого лука. Что оперённая, что нет. Боевая стрела имеет острый тяжёлый наконечник, пробивающий дубовую доску в вершок толщиной со ста шагов. И далеко не каждый может натянуть тетиву на полный размах – четыре пуда. Столько силы нужно приложить, чтобы выстрелить из славянского лука! Обратная сторона – мало таких воинов, что могут стрелять и метко, и достаточно долго. Потому и делят стрелков на отряды по силе их луков. Четыре пуда и три стрелы за один раз. Три пуда и пять стрел. Два пуда и двенадцать стрел. Нет оружия меньшей мощности у славов среди стрелков. А самые многочисленные – трёхпудовых лучников. По строению тела он наиболее удобен. Ибо славы – высоки ростом и сильны на диво.

Глава 4

Длинные тяжёлые стрелы легко пробивали щиты и доспехи из ткани, и множество тел оставалось неподвижно лежать на земле за бегущей ордой или корчиться от боли. Но враги даже не думали отступить. Наоборот, скорость их бега увеличилась, но и со стороны славов в дело вступили лучники следующего ранга – трёхпудовики. Пять стрел за один полёт стрелы. Первая попадает в цель – четыре в воздухе. Три от стрелков первого ранга, два – от второго. И постепенно до самых тугоумных начинает доходить, что чем ближе ряды врагов, тем меньше шансов добежать до них и схватиться, как положено воину, грудь на грудь.

Снова приказ рога, и снова не для всадников. Каждый род войск в державе имеет свои сигналы. Это приказ пешцам, стоящим перед стрелками. По его гудку большие, в рост человека, щиты чуть раздвинулись в стороны, и в образовавшиеся промежутки вылетели короткие болты самострелов. Пожалуй, ещё более страшное оружие, никогда не использовавшееся ранее против людей. Но сейчас войну ведут не люди, а чудовища. Острые полумесяцы вместо наконечников произвели жуткое опустошение в рядах украшенных развевающимися перьями и золотыми и серебряными пластинами людоедов. Короткий стальной лук на ложе, натягивающийся при помощи рычага, мощнейший выстрел, когда не надо рассчитывать упреждение и брать во внимание силу ветра. Серпы отрубали руки, сносили головы, мячиками запрыгавшие под ногами наступающих, пробивали туземные доспехи, раскалывали самые прочные щиты, рубили ноги, туловища... Эх, побольше бы таких пешцов!

Людоеды дрогнули, заколебались, но тут вперёд выскочили более богато одетые воины в длинных, до колена, туниках¹⁶, завопили на своём варварском наречии, затрясли хвостатыми копьями, и замершая на миг орда, испустив отчаянный, протяжный вой, вновь устремилась вперёд. С глухим стуком сомкнулись вновь ростовые щиты. Выдвинулись вперёд три ряда копий. Расправили плечи секи-роносцы. На этот раз славы не будут крутить своё знаменитое Колесо Смерти – врагов слишком много. Воины державы будут стоять на месте, перемалывая, словно исполинские жернова, волны нападающих.

Вам! Грохнули большие барабаны, и все славы невольно втянули голову в плечи. Со свистом и воем над ними пролетели жуткие снаряды, снаряжённые смертоносным неугасимым огнём. Громадные, в половину туловища кувшины разбивались о дикарей, о землю, и тут же вязкая чёрная жидкость сама собой вспыхивала, чтобы не погаснуть. Исступлённый крик сменил тональность, теперь в диком вое слышался лишь страх! Всепоглощающий, полный невыносимой боли. Земля, атакующие, вспыхнуло всё. Сразу же. Мгновенно. Грязное жирное пламя бушевало над ордами майя, расплавляя украшения, в мгновение ока сжигая доспехи, щиты, оружие. Кожа пузырилась, лопалась, шипело мясо, капли состава разлетались в разные стороны, и нет среди разумных никого, кто своей волей пошёл бы в огонь. А враги, несмотря на свою нечеловеческую внутреннюю сущность, всё же были людьми. Те же, кто ещё оставался в живых, находясь в задних рядах, увидели и услышали то, что началось впереди, и, уже не слушая приказов и призывов вождей, замерли на месте, понимая, что всё, поход не удался. И когда из огня вырвались первые живые факелы, горящие на бегу, падающие на землю и корчащиеся в жутких муках, майя не выдержали, качнулись назад. И ливень стрел с неба, пробивающий стену огня и вырывающий каждое мгновение по сотне воинов из плотных рядов, а потом, когда наконец кто-то развернулся спиной к огню и увидел заваленное трупами и обрубками поле позади и осознал, что ещё предстоит...

Это был конец. Один бой. Потери майя составили примерно шестьдесят тысяч воинов. Среди славян не было даже раненых. Просто враг сломался психологически. И вместо ста

¹⁶ Ранг военачальника у майя определялся по одежде. Чем длиннее туника, тем выше звание.

сорока тысяч солдат армии находников, теперь перед Жарким градом находится толпа отчаянно струсивших вооружённых людей, ждущих самого страшного.

А пламя уже прогорает. И лучники давно прекратили стрельбу. Не достать врагов из самого мощного оружия. И враги начинают приходить в себя, успокаиваться, осознав, что они пока в безопасности. Снова сбиваются в отряды, строят линию.

Пешцы лихорадочно качают рычаги своих самострелов, заряжая оружие по новой. Из тыла подвозят новые стрелы-серпы, раздают стрелкам. Те, кто стоял в первой линии, меняются, чтобы отдохнуть. Нет, когда начнётся новая атака, они вернутся. Но сейчас, пока есть время, лучше дать телу небольшой роздых. Крепкорукие суеются у своих махин, выставляя противовесы на новый вес снаряда. Хитёр командир сапёров: он открыл огонь, когда майя находились на минимальной дистанции. Теперь, когда те будут думать, что ещё в безопасности, залп требучетов и крепостных стреломётов достанет их строй. И ещё раз. А потом – увы. Дальность оружия станет неизменной.

Охрану, пока войска перегруппировываются и переснаряжаются, несут тяжёлые всадники на боевых турах и лучники третьей линии. Самые многочисленные, самые скорострельные. Но, к сожалению, и их не много. Всего лишь тысяча. Не каждому даётся искусство стрельбы из лука. И такой род войск – самый малый из всей армии бьющихся на суше.

Первая атака отбита. И неожиданно легко. Пойдут людоеды сегодня ещё раз в бой или нет? А позади, за спинами воинов, работают горожане. Лихорадочно, не щадя сил и здоровья: копают и углубляют рвы перед стенами, волокут брёвна и камни внутрь городских стен. Все мастерские трудятся круглосуточно, изготавливая стрелы и болты для самострелов. На стены города поднимают топливо и котлы для воды и смолы. Враг умоется кровью под Жарким градом. Пусть даже погибнут все защитники, вся армия, но они не уйдут никуда, будут держать противника до последнего и сражаться с ним, ожидая помощь, которая должна подойти из глубины державы, ибо князь Ратибор пообещал. А слав всегда своё слово держит, это всем ведомо.

...Бах! Бах! Бум! Бах!.. Грохот над новым лагерем, где новобранцы обучались огненному бою из больших махин, не смолкал круглые сутки. Князь поморщился – Ярый под ним затанцевал, раздувая ноздри. Коню явно не нравился острый запах сгоревшего огненного зелья, и всадник, слегка наклонившись, похлопал ладонью по гордой шее, успокаивая животное. Может, всё-таки они справятся. Но ясно одно: славы слишком долго почивали на лаврах. Да, они успешно освоили верхнюю половину заморских земель, практически бескровно, методом пряника привели под свою руку окрестные племена, завели себе верного, до поры до времени, союзника на старом материке. И в результате, когда на державу неожиданно напали орды дикарей с полудня, у славов не оказалось армии для отпора. Да, мы не любим воевать, захватывать чужое. Нам ни к чему содержать слишком много воинов. Любая армия висит тяжким бременем на шее народа, населяющего государство. И чем меньше военных, тем богаче живут люди. Но рано или поздно наступает момент, когда люди, желающие жить богато, вдруг лишаются всего, а зачастую и самой жизни, когда экономия на армии становится роковой. Приходит враг, с лёгкостью уничтожающий немногочисленных защитников государства, и забирает всё. Даже сейчас успешно разбившие первую волну нападающих войска уже остались почти без оружия. Мало стрел, кончились запасы горючей смеси, нужны новые шнуровые пружины для требучетов и ядра для них. А арсеналы практически пусты! Всё, что могли, что ещё было годно, отправлено в Жаркий град. И снова оттуда шлют отчаянные письма о помощи, о пополнении, об оружии. Фактически сейчас славы держатся только за счёт стали и своего упорства. А когда враг узнает секрет, что тогда? А он рано или поздно узнает. И самое главное – держава сейчас только обороняется. А нужно наступать. Ни одна война не выигрывалась обороной. Тот, кто только защищается, всегда проигрывает, ибо нападающий опережает его, диктует место и время битвы. Естественно, с

выгодой для себя. И потому будут потери. Даже если сейчас людоеды отступят, то у них появится цель. Они наберут новых воинов, визнают секреты стали, и тогда...

Ратибор невольно вздрогнул, представив себе миллионы вооружённых стальным оружием зверей, вырвавшихся на просторы державы... Значит, пора менять всё. В корне. Перестроить всю государственную махину. Мы и так живём слишком благополучно, забыв обо всём, ощутив себя в безопасности за бескрайними океанами. Хватит! Он поставит вопрос на Совете об окончании самоизоляции. Пора заново создавать армию и флот, начинать уходить от берегов, пересекать синие моря и океаны и... как это ни противно звучит, завоёвывать новые края. Даже рожай женщины каждый год по ребёнку, всё равно никогда не набрать столько воинов, чтобы восстановить власть истинных богов над Старым миром. Их просто не прокормить...

Но сначала надо победить! А для победы нужна армия. Не десятки, а сотни тысяч! Или даже миллион! Но не жалкие семьдесят тысяч воинов. Против даже сейчас семисот... И если примитивные – а людоеды не знают железа – племена могут прокормить такую орду воинов, то почему же сорок миллионов славов не могут позволить себе содержать подобную армию? Со всеми своими придумками, смекалкой, тягловыми животными? В чём же дело? Или... сытое брюхо начало значить для них больше, чем долг, совесть и честь?

– Крок? – Он взглянул на, как всегда, бесшумно и неожиданно возникшего перед ним мужчину с короткой седой бородкой, ровной полосой сбегающей к квадратному сильному подбородку.

Глава тайников, особой службы державы, прямой потомок ясновидца, в котором талант читать души расцвёл с невиданной доселе силой. Он взглянул на князя неожиданно остро, потом тихо спросил:

– Что замыслил, княже? Или думы тебя гложут о войне?

– Скажи, Крок, что для тебя важнее: медленное угасание или бой с врагами?

Мужчина улыбнулся. На самом деле он был даже младше Ратибора, но дар забирал свою плату: волосы пепельные, словно седина. Глаза пронзительные, но тоже невиданного до сих пор серого цвета. И ранние морщины возле глаз, когда он щурился на солнце, – глаза не могли выдержать яркого света, потому и старался Крок чаще бывать в Рудничной слободе, нежели в Славграде.

– По мне – хорошо там, где нас нет. А ещё лучше, где нас нет и где мы есть.

– Опять загадками говоришь?

– Так служба моя такая. Я должен быть там, где меня нет.

– Понятно. И как раз ты вовремя подошёл. Сегодня в полночь придёшь ко мне в терем.

Незримо.

Тот кивнул. Снова взглянул на князя, едва слышно произнёс:

– Веруешь в задуманное. А оно – истинно...

– Княже! Княже! – От кучки занимающихся учёбой славов спешил, размахивая руками, Дар. Подбежал быстро, поклонился, затем поднял на своего господина умоляющие глаза: – Дозволь слово молвить, княже?

Ратибор с любопытством перевёл взгляд от огнебойцев на юношу:

– Что хочешь, парень?

Тот вновь поклонился:

– Дозволь в огнебойцы пойти, княже!

– И ты?

Внутри всё дрогнуло – мальчишек на бойню посылать?! Впрочем... Мгновенно возникшая мысль оформилась в слова:

– Не дозволю. Взрослых людей в державе достаточно.

У мальчишки едва не брызнули слёзы из глаз: как же так?!

– Другое тебе приказываю: собери среди ровесников сотню. Поедете в Рудничную слободу. Там Малх Бренданов готовит огнебои нового образца, которыми с рук стрелять можно. Поступишь к нему под начало. Будете первыми учиться стрелять из нового оружия. И потом прочих учить. Понял?

Парнишка просиял:

– Понял, княже! Сколь времени положишь, чтобы людей собрать?

– Седмицу тебе, начиная с этого момента. Держи! – Вытащил из кармана легинсов¹⁷ гривну¹⁸, подал юноше.

Тот кивнул, убежал.

Вот и ещё один свой человек будет у князя. Преданный ему. Верный. На кого потом опереться можно будет. Что молод – не беда. С самого низа начнёт. Будет знать службу не по книгам да рассказам, а сам, своими руками, собственными ногами. Парень он толковый, и уже давно на него виды имелись. Вот наконец и настанет его время.

Тронул коня, неспешно двинулся к суевающимся внизу людям. Те уже закончили заниматься зарядкой огнебоев. И снова загремели выстрелы, раздирая воздух в клочья.

...В шатре командующего лагерем собрались командиры учебных отрядов. Ратибор, сидя на лёгком стульчике, незаметно всматривался в них, слушая монотонный доклад главного хозяйственника. Станный он какой. Толстый, низенький. И не видно иннуитской крови, текущей в нём. Рыхлый какой-то. Сразу видно, мечом не махал, стрел из лука не пускал. Впрочем, на своём месте. Пятьдесят тысяч воинов обеспечить-ка всем! На пустом месте из ничего лагерь боевой создал. Знать, верно говорят, что внешность обманчива.

А дружина будущая хороша. И командиры, похоже, боевые. Жаль, мало их пока. Но зато будут ядром будущей могучей армии. От каждой тысячи славов по человеку призвать – уже четыреста тысяч воинов получится! Да вооружить их огнебаями, ручными и тяжёлыми. Да поставить конницу турью и простую, и флот с самодвижателями Брендановыми... И пустить его на врага... Мало не покажется.

Внезапно стало ясно: двувластие среди славов не нужно. Может, первые годы так и требовалось. А теперь только вредит всему ненужное разделение. Каждый из князей старается для себя. Он, Ратибор, для армии и флота. А Локота – под себя тянет. Всё боится, что неурожай, что народ беднее жить станет. Прижимист он на диво, даже скуп. А из-за этого каждую полушку на военных надо с боем выцарапывать. А послухи¹⁹ доносят, что зерно и уота на складах гниёт. Ткани преют. Масло в негодность приходит. А Малх плачет – даже тряпок растительных в достатке выпросить не может... Нет, не всё ладно в государстве славов. Ой, не всё...

...Ночью в детинце Славграда никто не спал. Ближняя и дальняя охрана стояла вокруг строения плотным кольцом, не смыкая глаз и не пуская и не выпуская ни единой души, будь то мужчина, женщина, ребёнок или животное. В тайных покоях на вершине самой высокой башни собрались семь человек: сам Ратибор, брат его Добрыня, командующий тяжёлой кавалерией Буян, Малх Бренданов, Крок Крутов, Джурай, хан кипчаков, Стан, командир пешцов. На столе стояло вино, но его никто не пил. Слишком важный вопрос обсуждался на тайном совете, и многим он был не по душе. Впрочем, Ратибор это предчувствовал, потому и пригласил на собрание Крута, чтобы предупредить возможную измену и обезопасить собравшихся.

– Значит, ты считаешь, что мы зажрались?

Ратибор едва не вспыхнул, но удержался:

¹⁷ Легинсы – индейские штаны.

¹⁸ Гривна – особый знак.

¹⁹ Послух – шпион, агент.

– Людоеды семьсот тысяч воинов послали. А их двадцать миллионов наберётся. Да и то едва ли. А нас уже больше сорока, да только, по словам Локоты, нам и семь десятков тысяч воев не под силу. Только и слышишь от него – дорого! Дорого! Нету, не потянем... А вы вот что послушайте...

Вытащил из-под кипы бумаг свиток, развернул, начал читать, и с каждой прочитанной строчкой лица собравшихся мрачнели. Утопленное зерно, пришедшее в негодность и начавшее преть. Сожжённые ткани, поскольку попросту истлели, а махинникам не из чего делать огненное зелье. Сгноённые плоды уоты, так как поля уже превысили все разумные размеры. Князь Локота распахивал земли не останавливаясь. Лишь бы было больше! А куда потом девать лишнее, даже не думал. Люди работали без перерывов, праздников и отдыха. И всё это гноилось, сжигалось, топилось... В мастерских не хватало людей, а Локота выдумывал непонятно что, лишь бы не дать. Собственно говоря, что творил второй князь, иначе как предательством и назвать нельзя.

– Верны ли сведения? – Джурай сидел вроде бы спокойно, но его лицо было темнее тучи...

– За каждое слово здесь я готов ответить своей головой, – чётко выговаривая слова, произнёс князь высшую клятву.

Малх потрясённо повторил:

– Двенадцать тысяч локтей небелёной хлопковой ткани... Это же почти полный запас по сто выстрелов на каждый большой огнебой! А мы подбираемся у купцов...

И веское слово Крока:

– Хватит. Пора с этим кончать.

– Что? – не понял Буян.

Глава тайников разъяснил:

– Локота неизлечимо болен. Жадностью называется эта болезнь. Он забыл, что славы – не его холопы и рабы, а мы – не просители, а равные ему. И имеем такое же право распоряжаться всем имуществом державы, как и он. Мне докладывали, что стал второй князь груб, высокомерен. Злато и камни драгоценные копил в своём дворце. Слуг завёл сверх всякой меры. Возомнил себя властителем. Предлагаю вам, братья, вызвать его на суд.

– На суд?

– На суд Божий. Как Перун решит, так и будет.

– Да будет так. – Из-за стола поднялся Джурай, упёр кулаки в столешницу. – Я займусь этим. Немедленно.

Пошевелился вдруг доселе молчащий Стан:

– У него гридней²⁰ ближних почти две тысячи. А у нас...

– Пятьдесят тысяч огнебойцев.

– И прольём братскую кровь?! Не бывать этому! – Добрыня вскочил, пылая гневом. – Забыли заветы?! Не поднимай руку на ближнего своего! Ибо будешь проклят и отдан Распятому на заклятие!

– Не ссорьтесь, – снова веско уронил Ратибор. – И без пролития крови людей наших есть возможность покончить с Локотой.

– Как?!

Тот вдруг хитро улыбнулся, но доброй эту улыбку назвать никак было нельзя.

– Покопался я тут в законах наших. Так вот, есть там один, который почему-то забыли: если война, или набег, или иное лихо с чужеземцами происходит – военный князь един в державе правит. А у нас ведь война. Так что я немедля требую созыв Совета, где на основа-

²⁰ Гридень – дружинник личной охраны.

нии закона беру власть в свои руки. И думаю, что после этого... – Снова многозначительно улыбнулся, и всем сразу стало легче.

... Утро началось в Славграде необычно. Как только прокричал третий петух, на главной башне детинца ударило било. Громко. Грозно. Горожане просыпались, высказывали на улицы. Что за напасть? Неужели враги прорвались к столице?! Но уже мчались по улицам гонцы и глашатаи, кричали указ:

– По закону предков наших власть переходит в руки военного князя! Каждый может ознакомиться со свитками основателей в Храме Перуна-громовержца!..

И снова и снова повторялись эти слова...

Совет собрался на следующий вечер в традиционном месте – особой светлице детинца. Представители всех слобод державы, спешно явившиеся в столицу, как только до их ушей дошло объявление военного князя. Перво-наперво все бросались в Храм Громовержца, чтобы собственными глазами убедиться, что подобный завет существует. И... находили его. А закон для слава – что слово отцовское. И потому... Локота, второй князь, сидел молча, весь покрытый пятнами. Грузный багроволицый мужчина, расплывшийся не по годам. Не менее десяти пудов веса было в нём, и кресло подозрительно потрескивало при каждом его шевелении... Забыл! Какой позор! Как же он мог забыть, что действительно во время войны власть перейдёт к этому выскочке! Сколько сил положил, чтобы обрести влияние и силу, и – на тебе! Нажитое непосильным трудом да хитрыми уловками будет пущено по ветру! И всё придётся начинать заново.

Двери распахнулись, и в светлицу пружинистым шагом вошёл Ратибор. Мгновенно охватил всех собравшихся взглядом, чуть задержал взор на колыхнувшемся брюхе второго князя, спокойно прошёл, не задерживаясь, на своё место во главе стола, положил руки на алую скатерть, чуть подался вперёд:

– Все ли убедились, что по закону я беру нынче власть в державе?

Представители слобод и второй князь нехотя произнесли:

– Да. Закон есть закон.

– Благодарю. И поскольку я теперь глава, то первое, что приказываю, – немедля взять Локоту под стражу и посадить в поруб!

– Что?!

Никто не поверил своим ушам – что происходит?! Но в этот момент в светлицу ворвались GRIDНИ, и сбитый ударом дубины второй князь без чувств свалился на деревянный пол. Кряхтя от натуги, четверо воинов ухватили Локоту за ноги и за руки и поволокли прочь. А Ратибор обвёл всех гневным взглядом, не предвещающим ничего хорошего, потом тихо, но каждое его слово таило нешуточную угрозу, заговорил:

– Значит, господа слобожане считают, что их интересы превыше интересов общины? Поустроили себе уделы личные в державе нашей? GRIDНИ, взять в поруб старшин Товарной и Торговой слобод!

Обоим названным немедленно заломили руки, а князь добавил:

– В цепи их.

Не обращая внимания на крики, обоих выволокли из светлицы. Теперь князь смотрел на представителей Хлебной и Животной слобод:

– Сами признаетесь или мне за честь вины ваши?

Хлебник рухнул на колени, взмолился:

– Пощади, княже! Ты же знаешь, что Локоте слова нельзя поперёк сказать! Народ уже ропщет! Измучил он всех своими работами непрерывными! Люди хиреть начали, больных много, а всё равно гонит на поля хлеборобов и огородников. А кто не идёт – в поруб. На хлеб и воду!

– Знаю об этом. Потому и не стал тебя к тем двоим отправлять, – махнул рукой в сторону двери князь и посмотрел на скотовода: – А ты чего молчишь?! Или то, что у тебя скот начинаетдохнуть от бескормицы, тебе всё равно?

– Недохнет он, княже. А наоборот, прибывает. Особенно туры и кони. Просто Локоте я неверные сведения подавал, чтобы жадность его умерить. Он уж больно без меры хотел всего. Вот и пришлось мне лгать. Прости.

Короткий, почти незаметный взгляд в сторону застывшего у стены светлицы Крута, и успокоительное движение того головой – не врёт слобожанин... Тем лучше. Уже легче!

– Благодарю за это. Твоя неправда многим жизни спасёт. Правильно поступил. Но впредь – за каждое слово лжи голову сниму. Всем ясно?!

Представители слобод нестройно прогудели «да», и Ратибор поднялся со своего кресла:

– Локоту мы завтра же повесим. На главной площади Славграда, зачитав указ о его обвинении и с перечнем преступлений. Этих двоих – тоже. Чтоб не одиноко в аду было. Купец изворовался, и тех, кто о его казнокрадстве сообщить хотел, жизни лишил. А товарник покрывал дела чёрные Локоты. Так что всем троим место на виселице. Гридней Локотиных – немедля в Жаркий град. Не пожелают – Перун меня простит, – уничтожу всех. А родичей их лично людоедам продам. Так и передать им. Дворец второго князя – под сиротский дом отдать. Челядинцев – расписать по слободам. Откажутся – пусть Локоту следом догоняют. Верёвки у нас делать умеют. Дармоеды да нахлебники мне не нужны. И не только мне... – И вдруг резко сменил тему, обратившись к Малху: – Что у нас с огнебоями?

– Слобода наша большие огнебои на новых основаниях с колёсами исправно льёт, даже больше обещанного. А вот с зельем проблема – не хватает хлопка. Мастерские товарные весь урожай ваты нынешний под себя взяли.

– Знаю. Посему – вату со складов слободы изъять, передать Рудничной слободе. Хватит ткани гноить! А что с ручными огнебоями?

Бренданов расплылся в улыбке:

– Сделали, княже. И скорострельность увеличили едва ли не вчетверо против прежнего. Начинаем на производство ставить. Как велено – к концу месяца первую сотню штук изготовим.

Ратибор чуть оттаял:

– Через пять дней получишь сотню отроков четырнадцати лет. Обучишь их бою на ручницах. Учить далее других они станут. Ещё что есть?

Махинник помялся, потом всё же решился:

– Княже, из Арконы павшей кроме злата и прочего свитки привезли со знаниями тайными. Дозволь мне и людям нашим изучить их – вдруг найдём ещё что полезное?

– Добро. Но только после того, как оружие на производство непрерывное поставишь. И зелье огненное – особенно!

Тот склонил голову, выпрямился:

– Сделаем, княже.

А Ратибор перевёл взгляд на представителя Тягловой слободы, и тот, хотя не чувствовал за собой никакой вины, невольно поёжился – уж больно сурово выглядел князь.

– Вашей слободе от меня спасибо особое. Всегда всё вовремя доставляете. Так дальше и продолжайте. Сейчас ваша главная задача – перебросить вату со складов Товарной слободы на рудничные хранилища.

– Сделаем, княже, – кивнул тот.

Глава 5

Бесконечное кольцо костров окружало Жаркий град.

У каждого из них сидели враги, злобные чудовища в человеческом обличье, питающиеся человечиною. Все видели, как после боя людоеды подхватывали своих убитых и уносили их назад, а потом ночью слышалось довольное уханье.

Вольха передёрнул плечами – сейчас стало легче. Неожиданно седмицу назад пришли две тысячи воев, заполнивших прорехи в строю пещцов. Поначалу-то гонористые были. Да после первого же боя шелуха с них наносная сошла. Поняли, что к чему. А уж когда трапезу майя увидели... Да и снабжать стали куда лучше против прежнего: раньше лишь пища в недостатке была, а теперь и стрелы, и копья, и прочее оружие. Правда, с огнём негасимым проблемы оставались. Но вместо него начали поступать новые снаряды к требучетам – большие чугунные бомбы, начинённые непонятно чем. Кладёшь такой шар, величиной с голову человечью, на ложку, поджигаешь фитиль и стреляешь. Тот падает, и не то что своей массой врага бьёт, но потом взрывается изнутри. Разлетается чугун толстый на мелкие части, кроша и рвя вражью плоть. Не меньше, чем негасимого огня, людоеды боялись этого оружия. Так что Жаркий град медленно, но уверенно перемалывал вражескую силу. Едва ли две трети уцелело от майя, тысяч этак четырёхста с небольшим.

Но славы тоже несли потери. Хотя и меньше, но из сорока тысяч, преградивших путь ордам, осталось в строю едва ли восемнадцать тысяч воинов. Медленно, по десятку, по два в день, но майя всё-таки убивали закованных в сталь воинов. Много было и раненых. Правда, те возвращались в строй, но всё равно превосходство противника было огромным... Лишь сталь оружия и доспехов да высокие прочные стены задержали людоедов. И ещё – непонятные действия их жрецов, руководивших нападающими. Вместо того чтобы оставить малый заслон, сковывающий осаждённых в граде, разукрашенные в перья дикари иступлённо день за днём штурмовали сложенные из тёсаного камня стены высотой в три человеческих роста. Летящие из-за зубцов камни, брёвна, стрелы и дротики, а также льющаяся кипящая смола, раскалённый песок и крутой кипяток наносили огромные потери врагу, но тот не отступал, а день ото дня повторял бесплодные попытки захватить город.

Бывший тяжёлый всадник бросил взгляд на стоящую высоко в небе луну. Скоро смена. А там и отдохнуть можно. Эх, жаль, так и не пришлось в плотном строю ударить по ворогу, нанизать бьющиеся тела на копья, ощутить, как под богатырским ударом раскалывается вытянутый кабачком череп людоеда. Быков отправили в тыл, на пастбища. Слишком мало тяжёлой кавалерии. Просто завязнет в людской массе, станет недвижимой, и по трупам павших майя просто возьмут в ножи неповоротливых всадников. Лучше уж вместе со всеми на стенах, тем более что, сменив глухую защиту на чуть полегче, даже пешим он даст фору многим пещцам за счёт выучки и личного вооружения. Ну, да поможет Перун-громовержец и сын его, Маниту-сеятель, сядет ещё Вольха в прочное седло с высокими луками и по сигналу рога прыгнут плотные ряды зверей с всадниками на своих спинах в нестройную толпу колышущих перьями на своих шлемах врагов.

– Как у тебя?

– Чисто.

– Повезло. На полночной стене лазутчика завалили. Лез колодцы травить. – Мужчина передёрнул плечами, выругался: – Мразь. Одно слово. Ладно. Пойду отдыхать.

...Он проснулся от шума. Недовольно поднялся – ведь отдыхает человек после караула! Все это знают и стараются вести себя тише. Что за гам вокруг? Потянулся к стоящей в углу шатра лохани с водой, плеснул в лицо, нащупал висящее на пришитом к полотну крючке полотенце, вытер лицо, поскрёб недовольно пробившуюся щетину... Ладно. Сейчас

выйду, разгон устрою. Надо же и совесть иметь, в конце-то концов!.. Высунулся из шатра на яркое солнце, проморгался – дар-то оборотную сторону имеет – и открыл рот от изумления: подмога пришла! Гой да!!!

...Начиналось генеральное сражение. Славы не стали вновь отсиживаться за стенами города, а вывели свои войска в поле. Восемнадцать тысяч человек, находившихся раньше в осаде. Пятьдесят тысяч воинов нового строя, вооружённых огнебоями большого и ручного наряда. Двести орудий, сорок пять тысяч стрелков, четыре тысячи кавалерии, в том числе и тысяча тяжёлых. Жрецы майя словно ждали этого, дав всем дружинникам спокойно выйти из-за стен и построить боевые порядки.

Вольха вновь сидел на своём быке. Внутренне собравшись и готовый к бою, он многое не мог понять. Что за огнебои? Чем они могут помочь? Длинные массивные трубы с отверстием на одном конце, установленные на литые станины с колёсами. Непонятные приспособления у пешцов. А главное – практически никаких доспехов! Обычные кольчуги даже без усиливающих прочность защиты пластин. Кроме своих ручных огнебоев у пешцов небольшие круглые ядра в особых сумках да короткие клинки на боку. Шапка и та обычная, хотя и проложенная сталью изнутри. Ну да поглядим, что это за войска нового строя.

Взвыли вражеские флейты, застучали барабаны, отбивая ускоренный ритм, едва ли не вдвое чаще, чем принято у славов. Майя качнулись, помчались высоким пружинистым шагом, пожирая пространство между армиями. Их лавина была неуправляема, и вытоптанная земля взмётывала клубы пыли из-под босых ног. Отряд из десяти труб находился прямо перед тяжёлыми конниками, на этот раз стоящими во второй линии. Впереди находились пешцы со своими ручными огнебоями.

Всадник поморщился – как-то слишком все рассчитывают на новое оружие...

Коротко рявкнула труба горниста, и... словно сам Перун – громовержец снизошёл на землю! С ужасающим грохотом трубы выдохнули струи короткого пламени, взметнув облака густой пыли перед собой, а затем послышался ужасающий скрежет и вой. Нечто непонятное разметало плотные ряды наступающих, прорубив целые просеки в их построении. В разные стороны полетели куски мяса, оторванные конечности, хлестнула реками кровь, смачивая сухую землю.

Вольха от изумления открыл рот, а возле труб уже засуетились расчёты, откатывая своё оружие назад. На смену уходящим втаскивали новые трубы. Едва те заняли прежние места, как снова рявкнула труба, и вновь ударил гром. Но Вольха уже не обращал на гром никакого внимания – что они творят?! Те, кто находился возле труб, убранных на вторую линию, уже торопливо крутили вставленные в концы оружия короткие рычаги, отвинчивая заднюю часть оружия. Раз – и массивный цилиндр уже уносят к возвышающимся позади всех большим возам, а оттуда несут точно такие же. Похоже, уже готовые к новому грому. Два – расчёт вновь крутит свои рычаги, меняя заднюю часть трубы. Три – покатили! А навстречу уже откатывают израсходовавшие свой заряд трубы. Снова гром. А в тылу не прекращается суета расчётов. Впрочем, нет. Не суета! Каждое движение точно выверено и рассчитано. Все знают своё дело, никто не делает лишних движений, не рвёт понапрасну глотку... А это что? Снаряд?! В ствол закладывают нечто вроде круглого ядра от требучета, только из него свисают густые мотки обычных стальных цепей. Грохот, пламя, и вновь жуткая просека...

Майя заколебались, замедлили свой быстрый шаг, а трубы бьют не переставая, и во все стороны летят оторванные руки, ноги, туловища, головы. Кровь уже превратила выжженную и утоптанную тысячами ног землю в сплошную липкую грязь.

Бык под Вольхой шумно вздохнул, коротко взревел. Понятно, вязкий запах коснулся ноздрей зверя. А что пешцы? Почему они молчат? Стоят в плотных рядах по шесть человек, увешанные перекрещивающимися ремнями с подвешенными к ним непонятными предметами.

– Пали! Пали!

Огнетрубники, похоже, вошли в раж. Их начинает пьянить голос Перуна, охватывающий каждого слава во время битвы, когда разум трезв, но в теле играет неимоверная сила и буйное веселье переполняет душу...

Бах! Бах! Бах! Трубы бьют одним залпом за другим, но вот темп их выстрелов начинает снижаться. В чём дело?

Вольха всмотрелся и понял причину: трубы бьют огнём. Значит, нагреваются. От непрерывного извержения пламени сталь накалилась, и это подтверждается маревом дрожащего воздуха над ними. Да и подносчики зарядов затихли, больше не бегают от возков, в которых происходит снаряжение огненных труб. Значит...

Рука стиснула верный длинный меч, так как майя, уловив заминку в непрерывной стрельбе больших огнебоев, вновь рванулись вперёд. Только было их куда меньше: трубы постарались на славу, сократив количество противника едва ли не в половину. Но и тех, что осталось, хватало для битвы со славками с лихвой.

Но и тут славы смогли удивить врага. Теперь и у них грохнули барабаны, и по их сигналу пешцы шагнули вперёд, вскидывая своё оружие к плечу. Залп! Слово кто-то на небе порвал исполинскую ткань. Дробный треск выстрелов ручниц вновь разорвал едва успевший успокоиться воздух, и передние ряды майя рухнули, как скошенные. Первые шеренги пешцов резко развернулись лицом к товарищам и зашагали в глубь строя, на ходу что-то делая со своим оружием. Второй точно такой же рвущийся залп, снова поворот, и третий, и четвёртый... А когда те, что стреляли первыми, вновь оказались впереди, опять грохнули ручницы. Пешцы, уходя в строй, перезаряжали своё оружие, и когда до них вновь доходила очередь оказаться в первых рядах, их оружие уже вновь было готово к бою.

Но и майя, невзирая на ужасающие потери и горы трупов разной сохранности, рвали вперёд, ибо отличались полным презрением к жизни. И вот уже запрокинулся от метко пущенного дротика один стрелок, другой... Но, сомкнув плечи, их товарищи стреляют, и валятся снопами в кровь и грязь их враги, а раненых славов тащат в тыл специальные люди.

Бах! Бах! Вновь вступили в дело остывшие за это время большие огнебои. На этот раз они ведут огонь не через головы пешцов, а задрали свои хоботы к небу. И теперь в голубой вышине расцветают невиданные дымные облака, из которых на землю вместо дождя летит смерть.

«Вот же! Засмотрелся! Едва не прозевал!» – выругался про себя Вольха, повинувшись еле слышному за ужасающим грохотом и треском огнебойного оружия сигналу командира. Ну вот пришёл и наш час! За честь поруганную! За товарищей, съеденных заживо! За сожжённые поля и мирных жителей – за землю славов, вперё-о-од!!! Бык глухо, страшно заревел, мотнул увенчанной клинками маской, двинулся, повинувшись команде своего наездника. Длинные зубчатые копыя разом опустились, утвердившись в специальной рогатке седла и уперевшись в грудь всадника концом, увенчанным плоским набалдашником. Всё быстрее и быстрее... Мрачный запах крови, кислый от валяющихся по земле внутренностей, разъярил быков выше всякой меры. Опьяневшие от крови туры уже с трудом подчинялись своим всадникам. Но тупой клин мчался по-прежнему монолитно, набирая скорость... Удар, тут же второй, третий! Рывок, копьё летит в сторону вместе с нанизанными на него корчащимися телами, взмывает вверх длинный узкий клинок и падает, падает сверкающей молнией вниз, рассекая ткань доспехов, дерево щитов и хрупкую плоть с высоты седла... И уже сам Вольха опьянён смертью, и сам воин – смерть для майя. Хмельная, дикая сила бушует в воине, непрерывно взмывается меч, кто-то прыгает на круп быка, обхватывает залитыми кровью руками шею воина, пытается проткнуть кольчужную сетку, соединяющую глухой шлем с панцирем каменным ножом, разлетающимся на куски, и шипастый кулак, брошенный не глядя, вонзает свои иглы в глаза смельчака, кулём валящегося под ноги зверям. И быки уже

прут, взбесившись от битвы, неумолимо и страшно, топча полунагих майя, пронзая их своими рогами, рассекая лезвиями масок... И сверкающим, алым от крови мечом непрерывно бьёт всадник врага.

Мчащийся впереди командир вдруг вытянул руку в сторону – Вольха едва сообразил, что тот приказывает начать Колесо Смерти. Сейчас тяжёлые всадники начнут заворачивать своих быков, рассекая врага на части, гоня их под огненное оружие пешцов. Но он уже знал, что битва выиграна. И дальше будет уже агония...

– Княже, орёл прилетел с донесением!

Ратибор в волнении приподнялся в кресле, глядя на отрока, подающего ему клочок пергамента. Ухватил, развернул, пробежал глазами буквицы, и на его лице отразилось безмерное облегчение, он окончательно встал со своего места и громким голосом объявил Совету:

– Стан, воевода пеших воинов, докладывает: осада Жаркого града снята. Враг уничтожен практически полностью. Взято в плен две тысячи. Убито – свыше трёхсот тысяч. Остальные бежали. Рассеявшись по пустыне. Кипчаки ведут погоню.

– Гой да! Гой да! Гой да! – взорвался зал радостными криками.

А князь обратился к гридням, стоящим в карауле у входа:

– Послать гонцов по граду и в прочие места – победа!

Те кивнули, исчезли за массивными дверями. Выждав, пока буря эмоций немного стихнет, Ратибор вновь обратился к присутствующим:

– Первую битву мы выиграли, братья. Пора заканчивать.

Воцарилась тишина – не все поняли, о чём сказал князь. А тот повторил:

– Вторая рать готова к походу. Не в обычаях славов обиды спускать. Иду на вы!

Громобои били по стенам ущелья, хороня под камнепадом остатки воинов. Камни разлетались смертоносным дождём, ранив и калеча всех на своём пути. Тактическое преимущество майя, расположивших последний оставшийся у них город, Тулум, на берегу моря, оказалось смертельным промахом. Флот славов перекрыл все пути отступления, встав на рейде и грома строения из огнебоев крупного морского калибра. Пешцы же не стали соваться в ущелье, по которому шла единственная дорога в долину, а просто открыли огонь по стенам, ровняя сплошными чугунными болванками камень.

Пять лет непрерывной войны подходили к концу, и воодушевление воинов было неподдельным. Ещё немного, буквально день-два, и закончится кровавая, подобно которой не было в истории славов, война. Умирать же в последний день тоже никому не хотелось, поэтому командиры всячески берегли людей, предпочитая убивать противника с безопасного расстояния. За время, прошедшее со дня первых сражений, очень многое изменилось в державе. И прежде всего – в армии. Теперь в её составе насчитывалось почти полмиллиона человек, поделённых на четыре рода войск: флот, кавалерию лёгкую и тяжёлую, сапёров, одновременно являющихся и стрелками из тяжёлых огнебоев, и пешцов, обладающих ручницами. Выросли новые мастерские и рудники, построены были заводы, где производили огненное зелье, на месте лишних площадей, отданных ранее под посева, теперь растили хлопок, который и являлся стратегически важным сырьём наряду с кислотами. Малх внедрил поточное производство, и теперь производительность оружейников была просто предельной. Во всяком случае, ни разу ни один род войск не испытал недостатка ни в чём за время всей кампании.

Внедрялись новые способы обработки стволов, повышалась точность обработки, вводились в действие новые механизмы и станки. Ратибор разрешил махиннику делать любые изменения, но при одном условии: снабжение армии не должно прерываться ни на мгновение. Так появились огромные дульнозарядные осадные орудия, легко проламывающие

стены укрепленных городов майя. При их помощи Каминалджуй, Копайя, Кирикуйя были взяты практически без потерь.

Устрашенные разрушениями, которые производили настоящие монстры, швыряя разрывной снаряд весом в двести пудов, майя просто бежали в джунгли, пробираясь к другим городам своей империи. Их ловили, как только могли, и убивали, убивали, убивали... Это вошло в практику после того, как пал первый город людоедов – Паленке. Битва за него была жаркой, и славы понесли серьезные потери. Тогда ещё только отработывалось взаимодействие родов войск, тактика, новые виды вооружения. Но всё же город был взят, правда, после того, как пал его последний защитник. И то, что обнаружили за стенами славы, просто перевернуло всё мировоззрение воинов. Бездонные колодцы, набитые человеческими останками, огромные холмы черепов и гигантские пирамиды, навеки пропитанные кровью людей, принесённых в жертву Пернатому Змею. Даже немногими пленницами не воспользовались дружинники, хотя это и не возбранялось. Просто как-то взять женщину, которая позавтракала ручкой грудного младенца, пообедала нежным поджаренным рёбрышком молоденькой девочки, а на ужин собиралась насладиться печенью взрослого мужчины... И дальше, словно сговорившись, пленных не брали. Командиры предпочитали увеличить время огнебойного огня, стирая с лица земли строения и пирамиды, хладнокровно расстреливая всё живое на дистанции действительного огня, чем входить в города, полные людоедов.

С особым рвением охотились на жрецов кошмарного культа, изукрашенных разными красками и одетых в жуткие маски. Этим пощады тем более не было, а взятых в плен казнили самым жестоким способом, зачастую просто разрывая их на части быками. К этому стали прибегать после того, как один из обозов был захвачен лазутчиками майя врасплох и все обозничие были зверски умерщвлены на вершине пирамиды. В живых оставили лишь одного юношу, послав его обратно, чтобы тот рассказал славам, что их ждёт. Его рассказ потряс всех. Разум отказывался верить в то, что сотворили над несчастными чудовища в человеческом обличье. Но, глядя на несчастного, лишённого мужских достоинств, с вырванными ногтями, отрезанным носом, люди поневоле начинали понимать, что лютые пытки и казни были на самом деле. С той поры приказ был один: живых не брать. Невзирая мужчина то или женщина, ребёнок или старик.

И вот – последняя битва. Обстрел не стихал уже четвёртые сутки, сравнивая с землёй некогда большой и пышный город, построенный на костях в прямом и переносном смысле этого слова. Разлетались на куски пирамиды, рушились громадные здания, хороня под своими обломками тех, кто пытался в них укрыться. Многочисленные каналы города стали алыми от человеческой, если майя можно было назвать людьми, крови... Они с лихвой получали то, что несли другим. И не сказать, чтобы это было людоедам по душе. Славы всегда отличались долготерпением, но когда их задевали – горе обидчикам. Белокожие пришельцы не успокаивались до тех пор, пока в могилу последнего врага не был забит кол. Никакой пощады! Ни капли жалости! И грохот множества огнебоев ставил точку в существовании изуверской цивилизации.

Возможно, исследователи в будущем станут пенять за геноцид несчастных индейцев, создавших величайшую в истории двух континентов цивилизацию. Но достойна ли считаться цивилизованной страна, которая употребляет в пищу человеческое мясо? Подобных исследователей бы следовало отсылать в прошлое, прямо к тем, кого они превозносят до небес, дабы на собственной шкуре они ощутили, как себя чувствует распятый на плите пленник, которому вырывают сердце и жарят, чтобы съесть лакомый кусочек, на его ещё живых глазах... Майя точно знали, сколько живёт мозг, лишённый притока свежей крови, и в эти минуты вкладывали столько жестокости, что это просто невозможно описать, чтобы не вызвать упреки читателей в излишнем смаковании пыток и извращений.

И вот наконец на обломки города ступила нога дружинника славов... Они шли молча, внимательно всматриваясь в груды расколотых камней. Время от времени взмах меча проверял, мертво ли распростёртое тело или просто чудом уцелевший под огнём притворяется мертвецом в тщетной попытке выжить.

Воины выходят на богато отделанную резным камнем пристань. Живых больше нет. На волнах покачиваются раздутые трупы, которые рвут морские родственники майя – акулы. Вода густо окрашена кровью, всюду плавают останки страшного пиршества рыб.

Вольха, прошедший все пять лет войны, остановил своего тура у воды. Тот шумно вздохнул, опустил голову, лизнул горькую лужицу, чудом оставшуюся чистой на поверхности каменной плиты, вновь недовольно фыркнул, пуская обильные слюны, – горькая вода моря пришлось зверю не по нраву. Воин выхватил меч и вскинул его вверх, салютуя Яр иле, ярко светившему с кристально чистого неба. А потом во всё горло завопил:

– Победа! Мы победили, братие! Гой да!

И ответный рёв других славов, казалось, потряс небеса.

Никто из победителей ещё не знал, что война только начиналась. Ненасытное чудовище требовало новых жертв, и немногие уцелевшие жрецы в тайных храмах, спрятанных в глубине непроходимых джунглей, уже готовились к возмездию. А ещё где-то там, на самой полуночи, в воды Нового материка входили длинные узкие лоды, в которых на вёслах сидели измученные, израненные белокожие мужчины, женщины и дети. Они проскочили вход в Ледяное море и теперь, преодолевая силу могучего тёплого течения, идущего вдоль континента на полночь, прижимаясь к берегу, гребли изо всех оставшихся сил. То норги и свей, не пожелавшие принять веру в Распятого и отринуть своих истинных богов, бежали неведомо куда. Вначале они осели на Кипящей земле²¹, но оттуда непримиримым пришлось срочно бежать, когда следом явились их сородичи, принявшие христианскую веру. После проигранной битвы, погрузившись на драккары и кнорры²², остатки беглецов двинулись дальше, выйдя к Зелёной земле²³. Но там они встретили великолепно вооружённые и обученные отряды иннуитов и луров, которые вдребезги разбили отряды пришельцев, тем более немногочисленные, поскольку только что беглецы потерпели не менее страшное поражение от своих же христианизированных сородичей. Дошло до того, что на вёсла сели даже рабы, став свободными, и женщины и подростки гребли наравне с мужчинами...

Они уходили в никуда, двигаясь вдоль скалистой обрывистой земли, уходящей на полдень, делая редкие остановки, чтобы пополнить запасы пресной воды в крошечных бухтах, зная, что никогда больше не увидят родные фиорды.

²¹ Фареры и Исландия.

²² Кнорр – грузовой скандинавский корабль.

²³ Гренландия.

Глава 6

Свен по прозвищу Лужёная Глотка топнул ногой. Прочная земля. Как приятно стоять на ней после месяца болтанки на палубе драккара! С отвычки немного покачивается, но скоро тело опять будет стоять прочно на суше, как привык викинг. Он осмотрелся: густой зелёный лес, частые заросли неведомого кустарника, ровный жёлтый песок, на котором уютно разлеглись уставшие после похода пахари моря²⁴. Уцелевшие после бойни, которую учинили им неизвестные племена на вроде бы гостеприимной земле, без сил лежали и сидели на зелёной траве, глубоко врезавшейся в скалы бухты. Наконец их длинный путь в неведомое закончен! Сейчас люди немного придут в себя, и можно будет начать обустройство. Им больше некуда бежать, и это место станет их последним пристанищем в любом случае. Корабли изношены до последней стадии, запасов провизии нет вообще. Людей... Их всего-то три сотни из тех тысячи двухсот, которые спасались от преследования злобного и жестокого короля Вальдемара Первого и решились пойти под руку Свенрира-норвежца, изгонявшего христиан прочь. Но... Не всегда удача на стороне правого дела. И теперь осталось пятьдесят два воина, большинство которых изранены и уже не смогут воевать в полную силу. Двести женщин всех возрастов, начиная от двенадцати вёсен и заканчивая старой Гертрудой, которая уже разменяла пятый десяток лет, да сорок подростков до шестнадцати вёсен. И – четыре корабля. Кнорр и три драккара. Вот то, с чем ему предстоит основать новое поселение. Нет мужчин. Нет продолжателей рода. Хотя подростки скоро войдут в силу... Но будут ли они свеями и норгами или их кровь растворится навсегда в неведомой земле среди неизвестных племён?

– Хикки, возьми Расмуса, поднимитесь на верх холма. Осмотритесь вокруг. Если здесь пусто, начнём рыть землянки и ставить борт. Место вроде хорошее. Так что, думаю, наш путь здесь заканчивается.

Подросток лет четырнадцати послушно встал, кликнул своего ровесника, лежащего неподалёку, и, пошатываясь, побрёл в сторону близкого леса. В ожидании обоих юношей новый вождь стал прикидывать, где лучше начать строительство. Получается – на той лужайке, где весело журчит ручей, вытекающий из леса. И дерево хорошее – высокие стройные сосны. И таскать недалеко. Да и ровная площадка... Поставить два дома, покрыть дёрном... Его тут достаточно.

Машинально воткнул длинный нож в землю, чтобы измерить толщину покрова. Ого! Так... Вот и посланные. Лица довольные. Значит...

Юноши приблизились, торопливо склонили голову, затем Хикки Рыжеволосый заговорил:

– Поднялись на холм, вождь. Посмотрели вокруг. Расмус даже на дерево влез – вокруг один лес. Ни единой души. Ручей далеко уходит, куда – не видно. Ни дымов, ни людей вокруг. Думаю, здесь можно отдохнуть несколько дней.

– Что ты думаешь, меня не волнует. Я здесь вождь. Поднимай народ, пусть берут инструменты и начинают валить деревья. Будем ставить два дома. И зимовать тоже здесь будем. После того как люди встанут, возьмёте луки, пойдёте на охоту. Все соскучились по свежему мясу.

– Понял, конунг, – вновь склонился Хикки.

Ну а что делать? Свен ведь не просто вождь и глава всех изгнанников. Он ещё и его дядя. Единственный оставшийся в живых родственник... Отцу на глазах семьи засунули в живот ядовитую змею через гигантский рог-лусхорн²⁵. Мать сожгли в доме после того, как

²⁴ Корабли (иносказ.).

²⁵ Скандинавская казнь, применялась христианами против язычников. Ядовитую змею засовывали в большой рог, конец

она отказала в удовлетворении похоти присланному епископу. Как еретичку. И тут появился дядя, который подобрал и пригрел возле себя сироту, от которого отказались все, боясь церкви.

Люди начали шевелиться. С трудом, с плачем и стонами, но они брали топоры и шли к лесу. На кольях натянули снятые с кораблей паруса в качестве импровизированных шатров, поскольку построить дом не такое быстрое дело. Несколько женщин постарше занялись едой, запалив костры и водрузив на них котлы с водой. Дрова собирали совсем маленькие. С треском и стоном рвущейся сердцевины рухнуло первое дерево, спустя несколько минут – второе... Свен не щадил себя, орудуя топором наравне со всеми, хотя повязка на его боку вновь набухла алой кровью. Иногда, правда, замирал на несколько мгновений, когда перед глазами начинали плясать круги, а дыхание перехватывало болью. Вражеская стрела зацепила его, когда он стоял в строю хирда, прикрывая погрузку людей на корабли. Что удивительно, та легко пробилла щит и его оковку, порвав кольчугу и вырвав клочок мяса...

Через два дня вырос скелет здания, основные опоры и стропила, подпёртые столбами. Начали забивать в стены вертикальные плахи, заплетать стропила ветками, одновременно закладывая уже готовые куски дёрном. Дело спорилось, но вождя викингов не оставляла тревога – надолго ли они здесь устраиваются? И самое главное – как пережить зиму? Подростки ходят на охоту, и вроде пока мяса хватает. Скоро осень, наверняка будут ягоды и грибы. Если загнать всех женщин в лес, то можно набрать много еды. Жаль, хлеба нет. Зато в бухте много рыбы. Вода аж кипит! И сельдь, и треска, и даже видели сегодня плоскую тушу гигантской, едва ли не в два фотра²⁶ длиной, камбалы. Да и сейчас, судя по запаху, готовят что-то рыбное.

– А-а-а!!! – послышался от костра полный ужаса крик.

Мужчина оторвался от обтёсываемого бревна. Какого... И едва не выронил инструмент из рук – в бухту заходило нечто невиданное, чёрное, о двух соединённых между собой корпусах, с треугольными парусами на высоченных мачтах. Корабли викингов по сравнению с ним казались детскими игрушками. А гигант, ловко маневрируя, занял позицию точно напротив вытасненных «пахарей моря», затем с громким шуршанием выехал носами на песок, и оттуда начали прыгивать люди, мгновенно выстраиваясь в плотный строй, выставив перед собой невиданное оружие. Народ бросился врассыпную, мужчины за мечами и копьями, женщины пытались укрыться в лесу, но от него уже шагали вооружённые тем же непонятным и невиданным оружием плотные шеренги врагов. Свен похолодел – вот и всё... Он перехватил плотницкий топор поудобнее и с рёвом бросился на неизвестных врагов...

... Храбр с явным неудовольствием посматривал на скрученных верёвками пленников, сидя на свежесрубленном теми бревне и время от времени ковыряя носком подшитого акульей кожей флотского сапога землю. Наконец спросил старшего десантного наряда:

– Кто они?

– Похоже, викинги. Но почему-то одни бабы среди них. Мужчин-то и нет. А взрослых вообще... И все раненые. Да подростки. Словом, непонятно. Запасов нет. Совсем. Жильё стали строить. Похоже, беженцы. Либо спасались от кого.

– От кого – понятно. Письмо было наемни в Торговый град. Луры да иннуиты неведомых находников прогнали с Зелёной земли. Думаешь, чего наш двулодник погнали в рейд? Кажись, нашли этих неведомых...

Взглянул на выпученные от попыток порвать прочные верёвки глаза и побагровевшее лицо старшего из северян, на угрюмые лица стоящих на коленях других мужчин и подрост-

которого затыкался, и под ним разводился огонь. В поисках спасения пресмыкающееся устремлялось в живот казнимого.

²⁶ Фотр – мера длины викингов, морская сажень, ок. 1,5 м.

ков, на согнанных в кучу девочек, девушек и женщин с верёвками на шеях, усмехнулся, поднялся с дерева, махнул рукой:

– В трюмы всех. Мужчин – заковать в колодки пока. Спокойней будет. А жёнок – как посадите вниз, так и развязать можно будет. Охрану утроенную. Если верно, что я слышал, – ребятушки нам серьёзные попались.

Впрочем, наряды морских кораблей державы славов тоже были не лыком шиты. Отбирали туда так же строго, как и в тяжёлую турью конницу. Чтобы силой боги не обидели да ловкостью и сноровкой, ну и качку хорошо переносил. И подготовку воины наряда проходили очень суровую и жёсткую. Когда же державная армия стала на огнебои переходить, то и для них создали оружие такого типа, только воды не боящееся. Правда, более капризное в обращении. Но если ухаживать за ручницей, как положено в наставлении, то и служить она будет верно. Естественно, что бой рукопашный да на мечах и прочем не забывали при подготовке.

Сбросили на землю сходни, потащили и погнали пленников. Впрочем, слабый пол не трогали. В смысле – охальничать да обижать себе не позволяли. А мужчин так волокли. Пока заковывали в железные колодки, те могли видеть, что их женщин просто загнали вниз, в другой корпус. Ну а их в этот опустили. Закрыли плотно крышку. Стало темно, но вскоре вся внутренность осветилась – наверху открыли световые люки, забранные неведомым, пропускающим свет материалом. В углу стояла бочка с водой, к которой можно было подковылять и напиться. А вскоре вниз сбросили мешок с ещё тёплым хлебом. По буханке на человека. Свен подивился – тёплая еда-то. А это значит, что либо отплыли только что из гавани, хотя этого быть не может – они всю округу осмотрели внимательно, правда, с деревьев, либо уже на корабле невиданном пекли... Огонь на корабле?! Неслыханное дело...

К нему подобрался Хикки. Посмотрел вопрошающе, спросил:

– Как думаешь, вождь, что нас ждёт?

Тот помолчал, но отвечать всё же пришлось:

– Не знаю. Но вряд ли что хорошее. Нас, скорее всего, рабами сделают. А женщин... – Скрежетнул зубами в бессильной злобе. – Пустят их на утеху своим как пить дать.

Он и так ждал, что вот-вот, в любой момент раздадутся с палубы крики насилуемых девушек. Но прошёл день, наступила ночь, а всё было тихо. Впрочем, это ни о чём не говорило – могли и рот заткнуть или, тем паче, языки вырезать... Но сверху доносились лишь редкие команды на слышанном когда-то языке, да часовые постоянно оглядывали сбившихся в кучу пленников.

Через неделю плавания характер хода громадного корабля изменился: он начал совершать непонятные манёвры, команды отдавались одна за другой. Жаль, ничего не видно.

– Кажется, прибываем.

– Верно говоришь, Хикки. Передай всем, пусть готовятся к самому худшему.

Толчок, пронзительный взвизг трущегося корпуса. Люк наверху открылся, вниз спустили корабельную лестницу – две верёвки, между которыми крепились деревянные ступеньки. Часовой махнул рукой, мол, выбирайтесь. Да и колодки позволяют забраться по такой штуке. Вылезали по одному, и тут же каждого пленника пристёгивали к длинной общей цепи. Прочной и увесистой, окружённой плотным строем воинов с тем же непонятным оружием. Потом всех повели к сходне.

Свен охнул: огромный, просто великанский город раскинулся в не менее громадной бухте, полной кораблей всех размеров и видов. Каменные причалы, уходящие едва ли не на тысячу фотров в воду гавани, белые дома в несколько этажей, тоже то ли из камня, то ли из глины... И невообразимое множество людей во всевозможных одеждах повсюду. Странное дело – их вели по причалу, а никто из встреченных не обращал на пленников ни малейшего внимания. А горожане были разные – попадались и люди с такой же кожей, как у самих

викингов, только более загорелой. Были и с медной кожей, и с вообще непонятно какой... Свен, невзирая на своё печальное положение, во все глаза таращился на невиданное место.

Сзади мужчин, под столь же плотной охраной, вели женщин. И насколько было понятно, их не тронули. Хотя все они тоже были прикованы к цепи, но более лёгкой, и лишь за одну правую руку наручниками. Сошли на берег, и тут викинг подивился ещё больше – каменные мостовые, множество торговцев невиданными товарами: плоды, ткани, инструменты, всякие мелочи... Неторопливо прогрохотала мимо запряжённая туром великанская повозка, доверху забитая квадратными тюками серой ткани. Промчался быстро всадник на горячем длинногривом коне, размахивая квадратной сумкой...

Теперь на пленников пялились, громко обсуждали. Одеты все были в разные ткани и на разный манер. Хотя попадалась и абсолютно одинаковая одежда. А судя по тому, что было надето на их конвоиров, – местный владыка предпочитал одевать своих воинов одинаково. Значит, это дружинники... Много женщин. Они в длинных свободных белых одеждах с узорами. Также белокожие и смуглые. У некоторых на голове невесть что означающие уборы, а на поясах висит связка непонятных предметов и небольшой ножичек. Часть дев простоволоса, зато через лоб – узкая повязка в два пальца шириной, вышитая мелким бисером. Эти смотрят на колонну викингов, смеются, явно перешучиваются между собой.

И невыносимая жара. Уже пот ручьём льётся под кожаными штанами и меховой безрукавкой, а кое-кто из одетых в шерстяные платья женщин пошатывается... Сколько им ещё идти неведомо куда? А дорога поднимается в гору, всю застроенную теми же громадными домами... Что там за суета? Почему все остановились? Пришли? Нет... Маленькая Далла упала. Похоже, ей плохо стало. И что теперь? Но вопреки ожиданию, ничего страшного не произошло. Просто воин, шагающий рядом с ней, наклонился, отстегнул девочку от общей цепи и, невзирая на поднявшийся плач, подхватил лёгкое тельце на руки и аккуратно положил его на телегу, запряжённую небольшим животным, едущую позади конвоя. Тут же к ней наклонился и захоптал средних лет человек, одетый в синие с белой полосой одежды. Смочил тряпицу водой из фляги, положил ребёнку на лоб, чуть раздёрнул завязки платья... Свен напрягся, но синий прикрыл грудь девчужки лёгким покрывалом. Лекарь? Цепь рванула его дальше, но мужчина всё время оглядывался на лежащую на тележке Даллу.

Колонна замерла перед высокими двустворчатými воротами, которые медленно распахнулись, конвоиры потащили пленников внутрь. Это оказалась большая, посыпанная чистым песком арена. Викинг похолодел: он был в молодости в Константинополе, и там на подобной арене устраивали представления гладиаторов. Неужели они... Всех выстроили в центре поля, заставили встать на колени.

Лёгкие, но уверенные шаги... Свен поднял голову и натолкнулся на спокойный взгляд глаз невиданного цвета, словно у рыси или пардуса. Рослый мужчина, едва ли не на голову выше норга, смотрел на него с лёгкой брезгливостью, но внимательно. Потом махнул рукой, подзывая к себе кого-то из свиты, что-то произнёс. И отрок в сером одеянии, чуть запинаясь, спросил:

– Кто вы и откуда?

Свен рванулся, забыв о том, что прикован:

– Пусть нас развяжут и дадут мне меч! Ты узнаешь, кто мы, грязный дикарь!

Юноша скривился в глумливой усмешке:

– Скорее, это вы – дикари. И воняет от тебя, как от... – произнёс непонятное слово.

Гигант выслушал перевод слов Свена, тоже ухмыльнулся, потом отдал распоряжение. Викинг не поверил – его действительно отстегнули от общей цепи, сняли с ног и рук оковы, сунули в руки флягу с водой. Гигант снял с плеч свой алый лёгкий плащ, отстегнул с пояса ножны с длинным прямым мечом, бросил их викингу, мол, бери. А сам остался безоружным.

Свен ухмыльнулся. Значит, так? Сам напросился... Выдернул клинок из ножен и невольно залюбовался: меч был... воистину достоин восхищения... Вскинул оружие к солнцу, развёл руки, выкрикнул:

– Один! Да будет со мной твоя милость! – и рванулся к врагу...

Когда он пришёл в себя от воды, льющейся на голову, – та ужасно болела, – над ним возвышался, весело улыбаясь, гигант. Увидев, что Свен очнулся, что-то бросил переводчику.

– Драться не умеешь. Ничего. Научишься.

– Я не буду драться на арене на потеху твоим дикарям!

– На арене? Ха! У нас такое не принято. Жить захочешь – научишься. Князь нынче добр. Посылает вас на полдень. Станете свой град там ладить. Заодно и щитом будете первым. От неведомых народов.

– Кто вы? – кое-как прохрипел викинг.

И отрок гордо ответил:

– Славы мы.

– Славы? Не слышал...

– Ты их вождь?

Гигант наклонился, заслонив собой бьющее в глаза солнце. Говорил он, в отличие от отрока, гораздо лучше.

– Вас мало. Всего две сотни. Да и то – молодёжь. Как мы знаем, вы сбежали из-под руки Проклятого истинными богами. Но осели в неудачном месте, викинг. Так вот, делить мне с вами нечего. Но и ссориться я не хочу. Что мы можем – ты сам видел. Так что решай – либо идёте на поселение туда, куда я вам велю, либо... Твоих мужчин – в рудники, навечно. А женщин... найдём, к кому в постель пристроить. Так что выбирай, только недолго.

– А что взамен?

Воин пожал плечами:

– Помогу обустроиться. Выделю еду до первого урожая. Скотину, семена дам. Учителей, что обучат вас языку нашему да обычаям. Устраивает?

Свен наконец смог приподняться на локте, прохрипел:

– Каким богам молишься?

– Два бога у нас, викинг. Перун-громовержец да сын его, Маниту-сеятель. Не бойся. Распятому не поклоняемся. И принуждать тебя сменить своих богов на наших тоже не будем. Принесёшь клятву верности, станешь служить державе честно, соблюдать обычаи наши, будучи в гостях, – не будет тебе ни обид, ни препятствий ни в чём. Слово даю. Князя славов, Ратибора. Сейчас с ответом не тороплю. Подумай. Время есть. До утра завтрашнего. Но сразу тебе скажу – на новых местах легко не будет. Мы там только воевать закончили. И всякой нечисти вокруг много ещё водится. Так что думай, викинг, – поставишь заставу или в рудники кайлом махать пойдёшь. Утром спрошу. А сейчас – не обессудь уж. Выпустить тебя не могу. Не ровён час либо сам заразу принесёшь, либо у нас лихоманку подцепишь. Так что побудь здесь со своими людьми. Накормят вас тут прямо. А вечером и баньку устроят. Договорились?

Выпрямился, махнул рукой своим воинам, те сразу стали снимать оковы с пленников.

– Насчёт девочки своей не волнуйся. Как в себя придёт, ко всем и доставят. А сейчас ставьте шатры для ночёвки да прочее имущество получайте...

Прочего было много. Лёгкие одежды, мужские и женские, из невиданной ткани. Обувь. Также лёгкая, гораздо больше подходящая здешнему климату, чем тёплые сапоги норгов. Принесли и гребешки-чесалки и прочую ерунду. Женщинам иголки да нитки дали, чтобы подогнали по себе всё. Те сели кружками шить. Мужчины ставили большие, на полсотни человек сразу, квадратные шатры.

Славы ушли на трибуны, окружавшие арену. В суету не вмешивались, и северяне, косясь на них, вполголоса переговаривались, решая, что им делать. Впрочем, особого выбора не было. Либо рабство до конца дней, либо свобода, но под постоянной угрозой нападения. Как говорится, хрен редьки не слаще. Свен всю ночь просидел в раздумьях, но так ничего и не смог выбрать.

Баню славы действительно устроили. Не такую, как у них на родине, но тоже жаркую и хорошую. А когда викинг снял пропотевшую одежду да улёгся на мягкой раме с верёвочной сеткой, прикрытой толстым одеялом, вообще блаженство! Да только ни сытная еда, ни новая одежда тревоги унять за будущее северян так и не смогли.

Поутру вновь явился князь, только был он против вчерашнего куда более хмур. Поздоровался на свой манер, приложив ладонь к сердцу. Предложил присесть на принесённый воинами табурет. Сам напротив устроился. Свен было рот открыл, да тот его жестом остановил:

– Плохо дело, викинг. С девочкой твоей, Даллой. Да и с вами со всеми... – Вздохнул, потом пояснил напрягшемуся норгу: – Лекари мои говорят – не сможете вы там, куда я хотел вас послать, жить. Слишком жарко для вас там. Климат не подходящий. Посему – снимаю я своё предложение. А жаль...

– Значит, рудники? – упавшим голосом спросил Свен, но Ратибор улыбнулся:

– Зачем так сразу? Есть другое предложение. Раз вы люди к холоду привычные, отправим вас туда, где попрохладнее. Старое место, где вы хотели град ставить, устраивает?

Норвежец сразу повеселел:

– Конечно!

– Тогда договорились. Места там рыбные, а вы, вроде, рыболовы знатные. Станете в державу рыбу морскую поставлять, взамен всё, что потребуется, получите. Лодьи ваши я вам верну, разумеется. И с обустройством помогу. Только давай договоримся сразу: не обижай народ, что вокруг живёт. Все, кто края эти населяет, под рукой державы нашей ходят. А закон у нас строгий. И один для всех. Торговать можете здесь, в Торжке-граде. Здесь же и покупать станете то, что вам нужно. Насчёт прочего – слова своего нарушать не стану. Помогу. Только вот сажать там ничего вы путного не сможете. Да и здесь зерно и мука дешевле. Сдавать улов же свой сможете в казну. Она и рассчитываться с вами станет, пока не освоитесь. По справедливости. А как язык выучите наш да обычаи освоите, сможете спокойно и путешествовать по государству нашему, и иные места посмотреть. Земля наша велика и обильна, и порядок на ней един. Люди живут разных родов, разных цветов кожи, разных народов по происхождению. Но все они – славы. Единое племя. Единая кровь. Помни это – и будешь жить спокойно и сытно. Так как?

– Согласен, конунг!

– Отлично. А сейчас слушай внимательно. Придёт скоро парень давешний, что со мной был. Пойдёшь с ним на рынок. Присмотришь, что тебе понадобится на новом месте. И особенно для того, чтобы рыбные промыслы организовать. Это для тебя главное. В нашей державе на хлебников не держат. Так что учитывай. Вижу, не больно тебе по нутру такое занятие...

– Воины мы, конунг...

– Да никудышные из вас вояки, вождь, если честно. Не сочти за оскорбление, но коли ты от одного удара едва в Вальхаллу вашу не ушёл, то какие из вас воины? Учиться вам и учиться ещё! И очень долго. Посему... – Сделал короткую паузу, продолжил: – Юношей и девушек до шестнадцати лет на зиму забирать станем. Закон у нас – всяк должен быть грамоте обучен. Зиму пусть учатся. Не обидят их. Слово даю. А весной – назад к вам. Детей же с шести лет забираем на учёбу. Ну, да думаю, к тому времени, когда такие у вас появятся, мы уже и школу у вас построим, если, конечно, дров не наломаете. И учти: мы здесь на своей

земле. Знаем её. Так что лучше помни всегда одно: мир лучше, чем война. Так что лови рыбу, викинг. И пусть твой народ множится. Пока не могу я вас к мечу приставить, не обессудь. А вот молодёжь будущая... – Чуть помолчал, поднимаясь, добавил: – Хотел бы я, чтобы ей зелья огненного нюхать не пришлось. Да только вряд ли.

Глава 7

– Княже, Брендан прибыл. Срочно тебя просится увидетьь.

Ратибор недовольно оторвался от чтения груды свитков, лежащих на столе, – дела державы требовали постоянного внимания. Вздохнул:

– Ладно. Зови, раз такое дело...

В конце концов, и передохнуть надо. От чтения документов уже голова кругом идёт. А Малх наверняка что-то интересное приволок.

За дверями послышался шум голосов, потом ввалился сам махинник:

– Дозволь челом бить, княже!

Князь помрачнел – уж больно не похож был на себя изобретатель. Весь какой-то...

– Что опять натворил, выкладывай.

Тот шагнул к столу.

– Жениться хочу, княже...

– Так в чём проблема? Женись. Зачем тебе моё благословение?

Малх стал бледный, словно рубашка, в которую был одет, и вдруг рухнул на колени:

– Прости, княже. Вина моя безмерна, но не смог я тогда...

– Да не тяни ты ежа²⁷ за хвост, рассказывай, что вновь учудил?!

Махинник поднялся и, понуриив голову, начал свой рассказ... Оно, конечно, приказ был людоедов истреблять. Да только вот... Когда махинник в войсках был, проверял, как его огнебои большие работают, после взятия одного из градов майя, Таленке, он, прихватив новую ручницу, бродил по развалинам, осматривая разрушения. И нарвался на свою беду... В бедном квартале заметил под мусором руку торчащую. Детскую. И не смог мимо пройти. Откинул бревно, другое, разгрёб прелые листья и вытащил на свет девочку двенадцати лет от роду. Только странной она была. На людоедов не похожа. Кожа светлая, зубы не дырявые, и волосы прямые. Да и в ушах ничего похожего на серьги уродливые тоже не было. Словно из чистых славов тот ребёнок был. Да следов побоев на ней видимо-невидимо. Еле вздымалась плоская пока грудь у подростка, но ещё дышала она. Навёл было Малх на неё ручницу, да боги миловали – открыла она глаза свои, и обомлел махинник: были они у неё цвета синего, как озёра Великие... А девочка вдруг заулыбалась при виде изобретателя, руку попыталась поднять, что-то сказать. Да вновь сознание потеряла. Дрогнуло сердце мужское. Стукнуло чаще... Таясь от всех, принёс её в лагерь, накрыв пончо, положил в повозку свою, благо ехал с учеником одним, к которому благоволил, наследником в ремесле своим считая. Тот никому ничего не сказал и знанием тайны в корыстных целях не воспользовался... Еле выходил махинник девочку неизвестного племени. Но на ноги поставил. Когда вернулся – сказал её всем сиротой, мол, удочерить пожелал. Да в доме своём и оставил... Время шло, росла девица. Война к концу шла. Незаметно пять лет пролетело. Выучилась она славянской молве на диво, да сама красавицей, каких мало было, выросла. Кто не знал, считал её от роду своей. А кто знал, и разницы не видел. Так вот дни летели... Уже девица первую кровь уронила, взрослой стала. А там и... Словом, на сносях она. Шесть месяцев уже, как ходит, дитя Бренданово вынашивая. И решил Малх испросить позволения князя помиловать девицу и себе и ей благословение...

– Да ты с ума сошёл?! Не думаешь, что творишь? Да я тебя...

Ратибор бушевал, метая громы и молнии, но махинник стоял на своём – мне без неё жизнь не мила, да и не из людоедов она! А совсем другого роду племени, что много южнее

²⁷ Здесь: дикобраза.

живёт! Украли её совсем ребёнком, и так вот выменивали и выменивали, пока она в Таленке не оказалась... Устав ругаться, князь совсем другим тоном произнёс:

– Покажи хоть, какая она...

– Сейчас, княже! Ждёт Иара за дверями! – просиял махинник и выскочил наружу.

Ратибор ожидал всякого, но не такого... Стройная, словно лань, длинноногая, с действительно голубыми глазами, с ровным прямым носиком и красивого рисунка пухлыми губами. Но самое поразительное – она была практически белокожей. И если бы не чёрные, словно смола, волосы, от славянки её было бы не отличить.

Девушка смущённо улыбнулась, попыталась поклониться было, но князь успел махнуть рукой, останавливая беременную:

– Не надо!

Та замерла, заливаясь румянцем, а Ратибор всё так же с удивлением рассматривал красавицу... Наконец махнул рукой:

– Идите... Оба... Даю вам разрешение своё. Можете жениться, если уж у вас горит...

Те взяли за руки, шагнули к двери, и тут Ратибор окликнул:

– А откуда же ты родом, девица красная?

Та обернулась, заливаясь вновь краской, и певучим голосом произнесла:

– Не всё помню... Много времени прошло... Город наш в горах находится... На берегу большого озера... А зовётся наш народ – пукина²⁸. На город, где мы жили, напали люди-копья, и жители бежали... спасаясь... Так меня взяли в плен...

– Родную речь помнишь, девушка?

Та слабо кивнула:

– Помню, но плохо.

– Ничего страшного. Малх, пусть она всё, что ещё не забыла, на пергамент напишет да жрецам отдаст...

Тот кивнул, тут же забыв о просьбе друга, – он уже праздновал свадьбу...

Проводив Малха и его наречённую, Ратибор долго смотрел в окно на двор – там отроки весело перешучивались с девицами-портомойками, потом вновь уставился на свиток, вздохнул – уж тридцать пять годков ему минуло. А всё один... Вроде и девиц вокруг много, и глазки строят, да всё некогда. Эх, предки-предки! Какие жёны вам доставались! Сказки о них в народе до сих пор ходят... А я всё бобылём да бобылём. Никак руки не доходят семьёй обзавестись. Товарищи всю плешь проели – женись да женись. У всех уже семеро по лавкам. Вот и махинник наш хитромудрый от своих механизмов оторвался да нашёл своё счастье. А я... А что – я? Да ничего. Но Малх мне идею подал. Раз где-то там на юге белые люди живут, значит, искать их надобно. Да и Новый океан не исследован. Посему – быть следующему! Подвинул к себе чистый лист пергамента, обмакнул в чернила, налитые в большую морскую страхолюдину²⁹, стальное перо, чётким почерком вывел:

«Через месяц от сего числа послать в океаны Новый и Старый флотилии о десяти больших двулодниках каждая вдоль берегов полуденного и нашего материка. По суше же от градов людоедовых порушенных нарядить отряды воинские, по тысяче дружинников в каждом, снабдив их всем необходимым, и проводников из местных взять. И двигаться этим отрядам на полдень, восход и заход Ярилин. К отрядам сиим и эскадрам придать от Рудничной слободы рудознатцев умелых, дабы изучали минералы найденные и карту земель пройденных с месторождениями полезными чертили. Из Рудничного града послать так же три отряда воинских, как выше написано, на полночь, восход и заход Ярилин, чертить карты земель наших и иннуитских. В земли луров отправить толмачей на учёбу, дабы изучили они языки

²⁸ Самоназвание инков.

²⁹ Каракатица.

всех народов, что в их землях живут, и, по возможности, разузнали об их обычаях и нравах. И также, если получится, разведали, с кем луры граничат на заходе, полудне и полуночи, также карту земель тех составив».

Подписался размашисто. Песком присыпал. Сдул. Готово. Растопил на огне палочку воска, поставил оттиск перстня княжьего. Позвал отрока, всегда за дверью ждущего, отдал ему приказ, велел три копии сделать да на подпись принести. А этот вот – отправить в Торжок Старый. Немедля, как остальные сделают документы. Взглянул в окно – однако вечер уже... Совсем уже от жизни оторвался. Потянулся, хрустнули сладко косточки. Крутанул головой влево-вправо, поднялся. Засиделся опять на месте. Надо бы проехать по державе, посмотреть, что и как творится в ней. Да хоть по Славграду прокатиться!

Сказано – сделано. Вышел во двор детинца, оседлал коня. Не породистого вороного с длинной гривой, а простого, в яблоках, сам одежду сменил на такую же простую, но добротную, сел да выехал через задние ворота. А охране велел язык за зубами держать... Спустился по тропе вниз – совсем другая жизнь здесь! Народ гуляет по улицам, девки песни поют, на лавках сидят. Отроки да мужчины неженатые возле стоят, орехи грызут да семечки, зубоскалят, перешучиваются. Проехал князь неузнанным по центральным улицам, углубился в дальние кварталы... Постоял возле места памятного, где первые землянки стояли, с которых град начался. Потом дальше поехал. Дома уже низкие, одноэтажные. Кое-где и вовсе запущенные. Едет Ратибор, брови хмурит – непорядок! Ладно. Есть с кого спросить... И на улицах тише. Отдыхает народ, дела делает домашние.

Вдруг слышит: скулит вроде кто-то жалобно. То ли щенок, то ли ещё кто... Непонятно. Поехал на голос – точно. Не показалось. Под мостиком, что через канаву водосточную переброшен. Спрыгнул с коня, заглянул да охнул – лежит под брёвнами отрок малый, лет восьми от роду, и плачет.

– Ты чего?

Тот мужчину увидел, насупился, нос вытер:

– А тебе что? Видишь, шёл да упал. Ногу подвернул. Теперь выбраться не могу. А мамка ждёт. Я ей обещался. Небось, все глаза уже проглядела.

– И что, никто тебе не помог выбраться?

– Да я недавно тут. На побывку меня отпустили...

Только тут разглядел Ратибор, что одежда на мальчишке форменная, в какой ученики военных школ ходят. Руку парню протянул:

– Хватайся.

– Да я сам...

– Сам-сам... – пробурчал князь. – Коли сам, так вылез бы давно. Хватайся давай.

Мальчишка послушался, уцепился за ладонь. Выдернул его мужчина с лёгкостью. Посадил на мостик, сам чуть спустился, сдёрнул сапожок с ноги, пощупал. Парнишка вскрикнул.

– Ясно. Ногу подвернул. Дело поправимое. Недельку с повязкой походить тугой да пару дней не тревожить вовсе. Вот и пройдёт. А сейчас... – Выбрался наверх, ухватил парня за бока, вскинул в седло. – Показывай, где твоя мамка живёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.